

ФРОНТ

ИЗДАНИЕ 1918

Ф Р О Н Т

*Составитель
и
редактор сборника
А.Л. ИСБАХ*

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941 Ленинград

Фото Н. Петрова и С. Гурарий.
Заставки и концовки Н. Шишловского.
Переплет Б. Шварца.

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор И. Воробьевс.

Подписано к печати 14/III 1941 г. 11 печ. л. 9,56 уч.-изд. л.).
37 312 экз. в печ. л. Тираж 30 000. А35761. Заказ № 503.

Цена в папке 3 р. 75 к.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сушевский вал, 49.

В случае обнаружения дефекта просим вернуть экземпляр для
обмена по адресу: Москва 14, Сушевский вал, дом № 49. Фабрика
детской книги. Телефон К 3-00-36.

«По горам, по узким тропам, бродом переходя встречные реки — мосты неприятель взрывал отступая, — и в дождь, и в грязь, по утренней росе и в вечерних туманах... шли победоносно они от селения к селению — неудержимые, непобедимые, отважно смелые и страшные в натиске, настойчивые в преследовании. Сражались героями, умирали, как красные рыцари... С такой надежной силой нельзя было не побеждать...

Будут новые моменты — и прекрасные и глубокие содержанием, но это будут уже другие...»

Так писал о бойцах Чапаевской дивизии доблестный комиссар ее Дмитрий Фурманов.

Они наступили, эти новые моменты.

Храня старые боевые традиции, мужественные воины-патриоты вписали новые славные страницы в книгу побед Красной армии у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, в освободительном походе в Западную Украину и Западную Белоруссию, в суровых лесах Финляндии.

На боевых полях рождались новые герои. Оснащенные передовой техникой, согреваемые любовью всего советского народа, руководимые великим Сталиным и его славными полководцами, шли вперед непобедимые батальоны.

Враги сами спровоцировали военные столкновения и у Хасана, и у Халхин-Гола, и в Финляндии. Поддержи-

паемые империалистами всего мира, враги упорно сопротивлялись.

Фронтовые дни были суровыми днями. Но ни иссушающая жара Монголии, ни жестокие морозы Финляндии, ни крепости, считавшиеся неприступными, не могли сломить силы духа наших бойцов. «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

Разбив врагов, накопив огромный боевой опыт, Красная армия под руководством Народного Комиссара Обороны СССР Героя и Маршала Советского Союза Семёна Константиновича Тимошенко повседневной упорной учебой укрепляет свою боевую мощь.

О фронтовых днях, о днях доблести, отваги, героизма, о замечательных воинах Красной армии рассказывает эта книга.

НАСТУПЛЕНИЕ

Сто двадцать третьей
ордена Ленина дивизии
посвящается.

Еще курились на рассвете
Землянок редкие дымки,
Когда полки Сто двадцать третьей
К опушке вынесли штыки.
В лесу, не стукнув, сняли лыжи,
Исходный заняли рубеж.
Был воздух сух, морозом выжат,
И с ночи снег был чист и свеж.
А тишина была такая,
Как будто все, что есть вокруг,
Весь мир от края и до края
Прислушивается...

И вдруг —
Земля — вперед! Качнулись сосны,
А иней — точно дым с ветвей.
Огонь рванулся смертоносный
С укрытых наших батарей.
И шепелявый визг металла
Повис над самой головой.
И лес оглох. И ясно стало,
Что — началось. Что это — бой.
И небо всех и всё пригнуло
К земле, как низкий потолок.
И в блиндажах со стен от гула
Потек песок...

Под канонаду со стоянки,
В снегу, как в мельничной пыли,
С разгону вздыбленные танки
Почти неслышные прошли.

И вслед за огневым налетом
К высотам, где укрылся враг,
Пошла, пошла, пошла пехота,
Пошла, родимая...

Да как!

Еще орудья не остыли
От краткой яростной пальбы,
Еще стволы деревьев ныли,
Как телеграфные столбы, —
Бойцы уже едва виднелись
На сером, вспаханном снегу,
Бежали в рост у самой цели,
Шинели сбросив на бегу.

Одни из тех, что шли вначале,
На полпути еще легли.
Живые знамя расправляли
В дыму, вдали...

И к тем живым свои, живые,
Бежали, шли, тянули связь.
И даже кухни полевые
В тылу подвинулись дымясь.
Вперед, вперед — катилась лавой
Дивизия. Была она
Своей сегодняшнею славой
Еще в тот день озарена...

А. Твардовский

ВЫСОТА ЗАОЗЕРНАЯ

(Рассказ пограничника орденоносца А. Зуева)

Сидели мы все за длинным столом в светлой комнате, в просторном доме. Было это далеко от Хасана, но среди нас за столом сидел еще совсем молодой красноармеец Зуев, награжденный за храбрость самой высокой наградой — орденом Ленина.

Мы спросили его, сколько ран получил он в бою под Хасаном.

Он ответил:

— Больших — пять.

И мы решили, что были у него, значит, и мелкие.

Но их он постеснялся считать и сразу начал свой рассказ так:

«Учился я таким же пионером, как и вы, ребята, и было мне хорошо жить и в родной деревне у матери, и в Москве на работе, и на Дальнем Востоке бойцом.

Знаменит и обширен тот край. Когда посадили нас на пароход, чтобы отвезти в пограничную часть, я глаз не сомкнул во всю ночь. Первый раз видел я океан.

Ночь была светлая, и рыба одна все плыла впереди, перед нами. Большая рыба, но как ее звать, позабыл; то появлялась она на воде переваливаясь, то уходила по струе в глубину. А глубина там и ночью видна. В ней собираются звезды.

Жили мы на заставе прекрасно. Росли там дикие яблони, сливы, черемуха, были виноград и рябина. А лесу нет. Мелкий дуб все шумит по горам, и кругом орехи, орехи. Даже в воде находили мы их, в том месте, где весной вымывает из озера и кидает на камни водо-

росль, — травянисто-зеленые шары. В них и орехи. Ешь их и ешь — не оторвешься, все вспоминаешь подсолнух.

А озеро чистое, тихое. Хоть волны бывают по ветру, но вода в нем легкая, коней купать хорошо. Хорошо рыбу ловить. В речках там есть головли, щука и карась, но все больше окунь. А раков нигде не видал. Жалко!

Зато уток мы стреляли вдоволь! Любил я смотреть из окна, как летят они дружно на ночлег, свистом крыльев своих поднимая с огорода фазанов. Дикie козы за ними следят из травы.

Били мы часто и коз. Но мясо их ели неохотно. Дикie кабаны вкусней, пасутся они на камнях под орешником — черные сильные звери. Весу в них много. На двух лошадях привезли мы однажды кабана.

Я и маленьким очень охоту любил. Стащу бывало у отца дробовик и пойду по лугам выслеживать уток на старицах. Луговая у нас сторона!

Ну, а там, на заставе, другое: и лугов нет тихих, заливных, как у нас, и не каждый день на охоту сходишь. Ждешь выходного.

Но и без этого на заставе у нас было жить хорошо. После учебных занятий в волейбол играем или смотрим кино. Даже дети к нам приезжали на каникулы, вместе с бойцами за травую ездили, зимой на коньках катались. Жила с нами и собака Рекс, лучшая собака в отряде. По самому старому следу врагов повсюду находила. Идешь с ней бывало по участку, слушаешь: ничего не слышишь, только ветер шумит, вертит лист на дубовом кустарнике, а она остановится, уши наставит. Значит, берись за винтовку.

А то сам вдруг услышишь треск: вскинешь винтовку на руку, на Рекса посмотришь. А он молчит, муравьями забавляется или давит комаров на носу. Вот, думаешь, лентяй-собака!

Раздвинешь кусты, выглянешь — и видишь: ходит по границе коза. Рекс коз никогда не трогал. Вот до чего чутка была собака. Умница! Не верили иные просто.

Как-то командир отделения говорит собаководу:

— Что твой Рекс? Хвалишься только. А вот меня зимой он ни за что не найдет.

— Давай, — говорит тот, — попробуем. Брось только что-нибудь на дорогу, и все будет в порядке.

И вот часа два лазал командир по скалам, все прятался.

Вид на озеро Хасан и сопку Заозерную.

Пошла собака его искать. В две минуты нашла да как схватит, так он ни жив ни мертв. Куртку на нем порвала, к горлу стала подбираться. Только хозяйина послушалась, а тот и сам побелел.

Бодрая была собака. И когда только спала, неизвестно. Хозяин ляжет, и она чуть вздремнет. А как солнце краем покажется, спать не дает. Подойдет к хозяину и сразу одеяло с него стащит. Хочешь, не хочешь — вставай.

А коз, говорю, не трогала.

Много их там на границе. Бывало японцы на той стороне подпалят траву, пустят по ветру огонь, чтобы в дыму легче шпионам пройти. Только напрасно! Ни с огнем, ни с водой не удавалось им к нам перебраться. Только коз пропускали, и выходили они к нам из травы черные все до одной.

Пошел я как-то в выходной — шестого — на охоту. Уток собрался пострелять. Винтовка со мной малокалиберная. Только отошел я с километр, слышу: кричит кто-то громко. Выглянул из травы и вижу: козел стоит. Стрелять далеко — он шагов за двести, а пуля мелкая. Стал

я к нему пробираться. Подпустил он меня немного и опять отбежал, стоит, смотрит, губами стрижет. Пополз я. Но с земли мне его не видать, только рога над травой торчат. А трава там высокая, сильная, чуть не до плеч. Встал я на ноги, прицелился, выстрелил. Захромал козел, бежать не может. Догнал я его. Взял за рога и повел на заставу. Интересно, думаю, все же живого привести. Тащу и ташу, и сил уж у меня не стало. Могучий был козел. Повалил я его на землю — ремнем хотел связать, а он все вертится, рубаху на мне всю порвал... Стал я кричать: думал, с заставы придут, помогут. Но никто не слышал. Пришлось мне того козла пристрелить. Было это шестого. А седьмого мы сено косили, всем отделением, так в километре от заставы. Косили мы допоздна. А среди ночи подняла нас на ноги тревога. Начальник участка передал дежурному, что сегодня в ночь японцы хотят занять высоту Заозерную.

Вскочили мы на коней, и только стук по земле покапался — это копыта о камни стучали. Прискакали мы на заставу галопом. Тут пришлось нам коней оставить и двинуться на Заозерную пешком: болото мешало. Шли мы по камышам, по кочкам, плечи потели от жары. Но все же пришли во-время — до рассвета, заняли высоту. Опередили японцев. Залегли и лежали целый день и ночь. Дождь пошел, стала вода в траве собираться, на камнях шипеть. Но мы и не думали о дожде. Все равно мокрые.

Так пролежали мы до утра девятого, когда нас сменили. Отдохнули мы на заставе сутки и снова пошли в наряд. И больше уже не возвращались. Привезли нам на сопку палатки, и стали мы там жить. Гармошка у нас была, и даже газеты получали. Жили мы так еще два дня.

Одиннадцатого числа четверо переодетых японских жандармов нарушили нашу границу — хотели ее заснять. Одного мы убили, а другие убежали назад.

Японцы предъявили нам ультиматум: с сопки сойти.

А мы и не думаем отходить — сопка-то наша. И видно нам: совсем близко стоит под сопкой деревня. Ребятишки сидят на лавочках. Взрослые меж фанз прохаживаются, только не поймешь, кореец ли это, мужчина или женщина. Одежда на них одинаковая: вся белая и шляпа на голове.

После того как уложила наша пуля ихнего жандарма, никого в этой деревушке не осталось.

Исчезли из деревни корейцы, и видим мы, стали в ней появляться другие люди. Хотя и одежда на них была гражданская, но военного человека под любым кафтаном узнать немудрено. Выправка сама показывает.

Начали они привозить рабочих рис, кукурузу полоть. Плугами у них там не пашут и косилками не косят, а все копают. Сидят целый день на корточках и копаются, а на шляпе у них горшок с гнилушками дымится, чтобы комары не мешали.

Видим мы: и коров на траву пустили, возле деревни пасутся. Мирная, значит, картина. Хорошо. Живем и мы спокойно до самого двадцать девятого. Небо было ясное; ночью звезды видны были в нем. Удивительно даже, потому что туманы там в это время густые, ничего в них не видно. Но утром в тот день было пасмурно. С полдня посветлело немного, а после обеда снова стал туман заходить. Идет полосами, колышется, потом развеется немножко, а к вечеру тащится снова на сопку, лезет снизу вверх.

В четыре часа пополудни двадцать девятого я находился в наряде.

Одиннадцать человек из наших занимали высоту Безымянную, километра полтора от нас.

В это время с наблюдательных пунктов донесли нашему старшему, что группа японцев — человек семьдесят — движется в направлении высоты. Лейтенант приказал занять огневые точки. Пограничники заняли места. Японцы подходили уже к линии границы, но наши огня не открывали: враги были еще на своей территории.

Но как только первый из них нарушил границу, он был тотчас же сбит пулей нашего снайпера.

И тут враг начал наступать, открыв сильный огонь.

Командир отделения Шляхов вел наблюдение с тыла и вскоре заметил, что еще человек семьдесят японцев обошли лощину, окружили наряд и пошли слева. Наряд оказался в кольце.

Я находился на высоте Заозерной, на самой вершине, и наблюдал. Но из-за тумана было плохо видно: то закрывает лощину, то снова откроет ее. Однако я видел, как они перебегали через сопку.

Лейтенант Михалин отдал команду:

— Прорвать вражеское кольцо!

Но только он приподнялся с земли, как вражеская

пуля убила его. И еще четыре бойца мертвыми легли на камни.

Остался командир отделения Шляхов, остались еще пять человек, но и они были ранены.

Шляхов взял на себя команду и стал прорывать кольцо. Врагов было сто двадцать, а наших бойцов шесть. На одного красноармейца набросились сразу трое. Одному японцу он прямо штыком попал в горло, второго сбил прикладом. Третий рассек ему руку клинком, но наш боец вырвал клинок и зарубил врага сильным ударом наотмашь.

Наши прорвали кольцо.

Командир Шляхов все время таскал за собой телефон, все связывался с заставой, и за ним японцы охотились больше всего. Одному из офицеров удалось схватить кабель рукой. Шляхов тянул его к себе, а японец — к себе. И тот и другой не отпускали. Тогда офицер разрубил провод саблей.

Связь с заставой прервалась.

Японцы вели гранатометный огонь.

Шляхов был ранен во второй раз.

На помощь к нему мы послали отделение. Но японцы удрали тотчас же. После них остались нам винтовки, гранаты и один убитый солдат. Убитых у них было больше двадцати, но они успели их перетащить к себе.

И все это было двадцать девятого. А всю ночь на тридцатое мы просидели в окопах, и я в том числе.

Было холодно, лил дождь без перерыва. И не спали мы уже трое суток. Только утром, при свете солнца, мы соснули на полчаса. Днем стало ясно, камни на солнце подсохли, трава после дождя поднялась. Послали меня снова в наряд, на этот раз с пулеметом. Засел я в окопе получше, и тут же мой второй номер — красноармеец Кошкин.

Снова ложбину стало заволакивать туманом. Японцы со своей территории выстрелили раз пять по моему окопу. Стреляли они и рядом, по окопу моего соседа. Пуля попала в гранату. Сосед едва успел выскочить. Граната взорвалась. Мы не ответили: не поддавались на провокацию.

Пробыли мы в наряде день. А вечером поужинали наскоро, стоя... И у повара нашего на плече была винтовка и в карманах — патроны.

К вечеру, как темнеть стало, выслали мы четырех че-

На артиллерийском наблюдательном пункте. (В районе сопки Заозерной.)

ловек на разведку. Во главе ее был товарищ Чернопятко, ныне Герой Советского Союза. С ним — собака Рекс. Ни луны, ни звезд не было видно на небе.

В полной темноте сошлась наша разведка с японской. Только они через границу ступили, а наши тут как тут. Хоть и тьма кругом, но Рекс сразу схватил одного офицера. Задержали его. Чернопятко вернулся к нам в окоп, где был я, Кошкин и лейтенант. И тут мы от Чернопятко узнали, что японцы снова нарушили границу.

Мы укрепились в окопе.

Через несколько минут слышу я, будто шуршит трава. Но кругом темно. Глаза не видят, только ухом ловлю шорох.

— Шуршит, — докладываю лейтенанту.

— Наверно, японцы идут, — говорит он. — Направь пулемет. А я сейчас дам осветительную ракету.

Дал он ракету — все равно только камни видны и трава по ложбинкам. А кустов на Заозерной нет. Еще посидели тихо. Снова слышу: шуршит, будто шелестит по камням большая змея.

— Шуршит, — говорю, — товарищ лейтенант.

— Наблюдай, — отвечает, — а я снова ракету дам.

Но только она осветила местность, японцы открыли огонь. Как дождем поливало нас из пулеметов. Японцы были близко, шагах в ста, не больше. Дико закричали они: «Банзай!» и пошли на нас.

Окружили высоту со всех сторон.

Их была тысяча, а нас семьдесят человек. Стали мы гранаты метать, из пулеметов бить. Как проведешь пулеметом хорошенько линию, так японцы и валятся.

Заставили мы их залечь. И так держали их часа полтора, не давали продвинуться. Ни пулеметами, ни гранатами ничего они не могли с нами поделаться.

Слышим — артиллерия ударила. Упал возле нас снаряд.

Я был ранен в голову, еще были ранены лейтенант и младший командир. Мой пулемет от разрыва снаряда отказал в работе.

Но мы знали, что отходить нам нельзя, хотя помощь скоро не придет. Ведь кругом болота, хорошей дороги нет. Сзади нас озеро, а единственный узенький коридор, по которому могли подойти наши, обстреливали японские пушки и пулеметы.

Японцы бомбили высоту, подтянули силы и опять пошли на нас.

Лейтенант Христюлов скомандовал:

— Приготовиться к атаке!

С возгласом: «За Сталина, за родину!» бросились мы вперед. И сошлись с врагами грудь в грудь, схватились рукопашную. И хотя их было много, не вынесли они нашего удара. Повернули, бросились бежать. Но ведь тут далеко не убежишь!

Отбили мы их первую атаку и опять вернулись на свои места.

Из бойцов нашей заставы был ранен в бок пулеметчик Ермолаев. Взял я у него пулемет, а ему отдал винтовку.

Японцы усилили огонь, снова подтянули силы и снова двинулись в атаку. Встал лейтенант Христюлов.

— За родину! Да здравствует Сталин! — закричал он.

И второй раз сошлись мы в рукопашной схватке с врагом и снова отбросили его назад, далеко.

Во вторую атаку я ходил с пулеметом. Стал с руки косить на ходу... А рядом со мной лейтенант Христюлов и еще пулеметчик. Вдруг ручная граната ударила в приклад его пулемета, и пулеметчик упал на месте. Меня

она не задела. А через несколько времени попала вторая граната прямо на середину окопа. Лейтенант Христюбов только отпихнул ее ногой, как она взорвалась. Его ранило, и меня зацепило.

Передал лейтенант командование, а сам пополз в палатку на перевязку. Перевязали его там простыней, уняли кровь кое-как, и снова он вернулся к нам, бесстрашный человек. Лег со мной рядом.

А ночь уже к рассвету подходит. Тают звезды над Заозерной, выступают камни из тьмы, куриться начинает трава.

Но свету все же мало. А ракет у нас чуть-чуть, и гранатам вот-вот конец. В это время открыли японцы огонь по нашему станковому пулемету. И тут был сильно ранен пулеметчик.

Тогда лейтенант Терешкин сам берется стрелять из пулемета. Я подполз к лейтенанту, помогаю.

А японцы вытащили на левый скат нашей высоты свой станковый пулемет.

Лейтенант спрашивает:

— Ты видишь его?

— Вижу, — говорю.

— Дай мне, — говорит, — последнюю ракету. Я ее пу-
шу, а ты уж смотри целься верно.

Я дал очередь. Замолчал у японцев пулемет. Лежим. А там ведь как? Ты, скажем, лежишь по эту сторону камня, а он, враг, за пять метров — по ту. Держишь в одной руке наган, а другой за пулемет держишься. Лежишь и ждешь, пока выглянет. Позвякивают камни от пуль, трава от гранат вся желтая и порохом пахнет. Лежишь — не шелохнешься, а выглянет японец, пошлешь ему пулю в лоб. И долго лежали мы с Терешкиным. А еще подмоги нам не было, потому что подойти к высоте было очень трудно под ураганным огнем.

И начали японцы нас в третий раз бомбить. Снаряды падали рядом. Терешкину перебило руку, ногу поразило осколком.

И поднялся он из-за камня, в последний раз закричал:

— За Сталина, за родину, вперед!

Схватились мы разом и пошли в атаку. А Терешкин пробежал шагов двадцать и упал. Тут бойцы забрали его и в тыл унесли.

В этой третьей атаке бились мы одними штыками и прикладами. А если у кого и было два-три патрона, то берегли уж их и не знаю как. Боеприпасов больше не было. Но все равно отбили мы и эту атаку. Лег я за камень, замаскировался.

А тут и светло уже стало. Солнце взошло. Знаем, должна скоро поддержка притти. Решили мы: лучше помрем, но ни на шаг не отступим. И ничего с нами враг не поделает... А солнце уже над горами стоит, светит прямо в голову.

Оглянулся я, вижу: наши подходят. Вбегают на гору бойцы. Что и сказать, весело стало на душе!

Припал я к пулемету, начал стрелять. Но тут обнаружил меня враг. Вижу: скачут камни вокруг меня, как живые, землю пули руют. Ударил пуля мне в грудь, и другая прострелила руку. Пошла горлом кровь. Ну, думаю, тут, видно, придется помирать! Но смотрю — минут через пять кровь перестала итти. Так, думаю, хорошо! Буду, значит, жить! А если и помру, то хоть еще одного врага да убью!

Но тут как раз подошла к нам поддержка. Приказали нам с Заозерной сходить. Пополз я вниз по горе. А японцы стреляют по мне из пулеметов. Рвут пули траву, а в меня не попадают. Я ползу.

Выполз я к озеру, метров сто не дополз, как увидел наши танки. А раз так, надо на ноги вставать, потому что если ползти, то тебя танк раздавит. Ведь не знают, кто ползет: свой или не свой...

Я встал, а командир танка кричит:

— Иди скорей! В танк садись!

Только я сел, как японцы снова открыли огонь — теперь уже по танку. Только искры летят кругом — что они делают! И из пулеметов стреляли и из пушек били, били, а все бестолку... Крепкие танки у нас!

Перевязали меня, и пошел я дальше.

Прошел я с километр, а потом чувствую — голова закружилась. Ведь за эту ночь я потерял много крови!

Один из командиров взял меня под руки и повел. Подошли мы к озеру. А вода в нем зеленая, шары эти самые с орехами плавают. Все дно снарядами подняло наверх.

А там, где кончается озеро, — узкая полоска земли, и по ней без перерыва артиллерия бьет.

Дай, думаю, попробую, какая здесь глубина. Быть может, водой пройти можно.

Но командир не пустил меня, сам в озеро влез, а вода ему сразу по горло. И пришлось нам снова ползти под огнем.

Ползли, ползли и добрались-таки до перевязочного пункта. А оттуда меня уж на бричке отправили, привезли в комендатуру. Тут у меня оказался знакомый парнишка один. Набежал народ. Женщины притащили яиц и всего остального.

— Кушать, — говорят, — хочешь?

А какой там кушать! Как сию — ничего, а как нагнусь — дух захватывает. Повезли меня в госпиталь, а там жены командиров за нами ухаживали. Два дня пролежал, а потом в Хабаровск отправили.

Встретили нас там пионеры. Комсомольцы пришли, принесли подарков. Навещали нас часто хетагуровки: кровь свою отдавали раненым бойцам.

Как раз напротив жила одна пионерка, Галя Корякова. Так она с балкона бывало кричит:

— Книг вам не нужно?

Наташила нам книг и цветов, и в гости мы ходили друг к другу, пока я не уехал в Сочи.

Весело после победы жить!»

КОМАНДИР

В гору бегом, через речку вброд
Повел лейтенант свой пехотный взвод.

Сердце стучало: скорей, скорей!
Шли под навесным огнем батарей.

Взмокла одежда, песок у глаз —
Шли в наступление в первый раз.

Возле морщинистых, старых скал
С пульей в груди лейтенант упал.

Тогда отделенный крикнул:
— За мной! —
И взвод поднялся живой стеной.

Ползли, бежали, карабкались, шли...
Рядом взлетали столбы земли.

Тут отделенный на землю лег,
Поднялся на локте, но встать не смог.

С каждой минутою он слабел,
Стал, словно бинт, безжизненно бел.

И увидал, как, принявши взвод,
Красноармеец вышел вперед;

Самый тихоня из всех тихонь,
Крикнул: — За мной! —
Приказал: — Огонь!

Под его командой была взята
Та неприступная высота.

Е. Долматовский

ТАНК

Вот здесь он шел. Окопов три ряда.
Цепь волчьих ям с дубовою щетиной
Вот след, где он попятился, когда
Ему взорвали гусеницу миной.
Но под рукою не было врача,
И он привстал, от хромоты страдая,
Разбитое железо волоча,
На раненую ногу припадая.
Вот здесь он, все ломая как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессиленный от ран,
Добыв пехоте трудную победу.

.....

Уже к рассвету, в копоти, в пыли,
Пришли еще дымящиеся танки.
И сообща решили в глубь земли
Зарыть его железные останки.
Он словно не закапывать просил,
Еще сквозь сон он видел бой вчерашний,
Он упирался, он, что было сил,
Еще грозил своей разбитой башней.
Чтоб видно было далеко окрест,
Мы холм над ним насыпали могильный,
Прибив звезду фанерную на шест —
На поле боя памятник посильный.

.....
Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазницами пустыми;
Я выкопал его бы, как он есть,
В пробоинах, в листах железа рваных, —
Невянущая воинская честь
Есть в этих шрамах, в обгорелых ранах.
На постамент взобравшись высоко,
Пусть, как свидетель, подтвердит по праву:
Да, нам, далась победа не легко.
Да, враг был храбр. Тем больше наша слава.

К. Симонов

ПУЛЕМЕТЧИК ИВАН РЫБАЛКА

Грохочет бой. В воздухе пронзительно воют снаряды
и лопаются с отчетливым звенящим звуком.

Пулеметчик Иван Иванович Рыбалка прохаживается
невозмутимо вокруг треноги, на которой обычный руч-
ной пулемет, приспособленный для противовоздушной за-
щиты.

Серые глаза Рыбалки внимательно исследуют небо, задерживаются на кучевых и перистых облаках. Эти подлые враги все время хитрят! Только встало солнце, как появился «гнилокрылый» разведчик. Там, за рекой, он набрал высоту и спланировал прямо сюда. Дали ему перцу наши истребители, еле ушел...

Рыбалка зорко следит за небом и тут же нет-нет да и глянет хозяйским оком на трех статных коней. Это трофеи, отбитые у японских офицеров. Товарищи посмеиваются:

— Ну, теперь мы мото-пешехонная разведывательная часть. А кони! Хорошие кони! Вон светлогнедой клинушкой поставил уши. Отличного сложения! Голова точеная! Сильная грудь! Такого коня да в родной бы колхоз, в Дибровку, около Золотоноши, над Днепром!

Порыв ветра доносит из широкой степи сильные, волнующие запахи полыни, чебреца и дикого лука.

— На этой бы земле да хозяйничать, хозяйничать! — И крепкие черные от боевой работы руки Рыбалки сжимаются, словно на ручках плуга.

За бугром угробно грохают взрывы вражеских авиабомб. Черные валы дыма вздымаются на горизонте. Добродушное смуглое лицо Рыбалки и зеленоватые его только что ласковые глаза становятся суровыми.

— Чортово вражеское стерво! У себе пакостить тай на чужу землю лизе!

Только вчера был его первый бой, но Рыбалка уже показал врагу и свой гнев патриота и боевое умение воина Красной армии.

Его подразделение выдержало, не дрогнув, атаку японских танков. Он бил по чудовищам бронбойными пулями из своего пулемета. А когда танк проходил метрах в десяти, Рыбалка сильной рукой швырнул ему под гусеницы гранаты. Тотчас подбавили наши пушки, и танк был уничтожен. Про весь этот бой Рыбалка рассказал очень скупо и кратко и закончил:

— Бильш ничего такого не було!

В одном из боев его пулемет отказал. Винтовки под рукой не было. Рыбалка с другим пулеметчиком набрал гранат и пошел вместе со всеми в атаку. Его гранаты летели далеко, попадали метко. В тот день он трижды ходил в атаку, бесстрашно и деловито громя врага.

Однажды темной ночью бойцы спали. Рыбалка стара-

тельно и любовно чистил винтовку. Вдруг он услышал крик полевого караула. Рыбалка скомандовал:

— В ружье!

Из крошечной тьмы донеслись неистовые вопли, какой-то истошный визг.

Шквалом огня встретили наши бойцы ночную атаку врагов.

Внезапно у самых окопов подразделения кто-то заорал по-русски:

— Стой! Куда стреляешь!

На мгновение наш огонь прекратился. И тут же враги осатанело ринулись в атаку.

— То ж билогвардиец! — во весь голос крикнул Рыбалка и, стиснув зубы, застрочил из пулемета.

Из тьмы внезапно вырвалось пламя. Враг с факелом бросился к нашему броневiku. Рыбалка дал по нему короткую очередь. Враг был уничтожен. Факел, шипя, погас в траве.

...Уже много дней в бою насчитывает пулеметчик Рыбалка. Строже и мужественнее стало его лицо. В лазарет отправлены два его друга, с которыми так хорошо было вспоминать про майские украинские зори, петь вполголоса:

Распрягайте, хлопцы, кони...

Всматриваясь в небо, по синеве которого проходят вражеские самолеты, Рыбалка думает:

«Це же не люди, а гады! Як таких земля терпить! Пидождыть, буде вам жарко!»

В памяти его резко встает: на зеленой траве лежат мертвые товарищи; у лейтенанта Щербака вместо лица кровавая, страшная рана, у водителя Онуфриева тело изрезано и исколото штыками. Подлые враги зверски прикончили тяжело раненных товарищей, надругались над их телами.

Грозно, словно клятву, произносит Рыбалка:

— Треба уничтожить все это стерво!

Слух его улавливает низкий и музыкальный гул над облаками; словно звучит гигантская и такая родная кобза.

— Наши вертаються!

В бездонной синеве неба Рыбалка различает празднично-белые легкие силуэты наших больших самолетов. Вот

они уже над головой. Но почему же в мелодию мотора врывается вдруг резкий треск пулеметов?

Рыбалка, волнуясь, продолжает всматриваться в небо. Стреляют пулеметы с наших воздушных кораблей. За треугольниками наших самолетов появляется белая полоса, уходит вправо и вниз. А вот уже видна и вражеская машина.

— Добре тобі попало! — радуется Рыбалка.

Враг, снижаясь, мчится прямо на него. Рыбалка, не отходя от треноги, громко предупреждает товарищей. Все быстро прячутся по окопам. Враг, пикируя, бьет из своих пулеметов.

Рыбалка один на всей залитой солнцем ложине. Он спокойно сжимает рукоять своего пулемета и дает очередь, преграждая путь вражескому самолету.

Самолет врага проносится совсем низко и возвращается после глубокого виража. Рыбалка снова встречает его длинной очередью. Пули его бьют по крыльям, по фюзеляжу. Враг проносится за бугор и косо, крылом врежется в землю.

Из окопов несется восторженное «ура» товарищей. Они выскакивают, мчатся к месту падения и гибели врага, подбитого нашими самолетами и добитого Рыбалкой.

Вечером, когда отпылал в степи золотой закат и Рыбалка смог уйти до утра со своего поста, товарищи помогили его, спрашивали. Он отвечал коротко и несложно:

— Бачу, летить! Я дал очередь, другу! Вин на мене, а я щє! Боявся? Та ни трохи! Коли туточки бояться? Треба же быти! Потим вин обернувся и обратно на мене. Я дав длинну очередь. Більш ничого такого и не було!

В сумерках, когда зажглись звезды и попрежнему били и били пушки, мы вспомнили с Рыбалкой Золотоношу, хутора над Днепром.

Он вдруг замолк, потом сказал очень тихим голосом, из самого своего сердца:

— Що я хочу? Ось мы бьемось за родину, побьем врага, поидемо до дому через Москву. Тоди я хочу побачить самого любого, самого дорогого товарища СТАЛИНА.

В. Ставский

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ

В конце мая на расположенном в степи Н-ском аэродроме раздался сигнал боевой тревоги. Три самолета поднялись в воздух. Вскоре вслед за исчезнувшим звеном вылетели еще пять истребителей. Они улетели сражаться, и ни один из них не вернулся.

В пустынной степи стоит невысокий холм. На тонком шесте звезда, под ней пропеллер с именами восьми храбрецов.

На закате дня, когда степь окрашена багряным светом, всадник далеко-далеко видит красный от зарева одинокий холм.

История сохранила трагические подробности гибели бесстрашных истребителей.

На границе непрерывно происходили боевые схватки. Днем и ночью стреляли орудия, танки неслись через сопки, со штыками наперевес шла в бой отважная пехота, лихие конники настигали и рубили вражеских кавалеристов. Но в воздухе еще ни разу не появились неприятельские самолеты. И вот однажды утром, в конце мая, на Н-ском аэродроме было получено срочное и тревожное сообщение:

«Неприятельские истребители в составе отряда перелетели границу на высоте двух тысяч метров».

Сигнал, тревога, завертелись пропеллеры, мгновенно летчики сели в машины. Но сразу за первым пришло второе сообщение о том, что отряд противника изменил направление и самолеты повернули обратно.

Отбой! Но летчики не выходили из машин. Три самолета звеном поднялись в воздух и отправились на разведку. Они быстро неслись по направлению к границе. Неожиданно со стороны солнца огромный отряд вражеских истребителей обрушился на наши самолеты. Вражеские истребители со всех сторон окружили попавшее в ловушку звено и открыли яростный перекрестный огонь. Воздух сотрясаясь от стрельбы и рева моторов.

В это время с аэродрома снялся еще один наш самолет, чтобы узнать, где звено и не нужна ли помощь. Хищники кинулись на одиночку. Летчик отстреливался до последнего патрона, но он не мог устоять против бесчисленного множества врагов. Спеша на выручку, один за другим вылетели еще четыре самолета. Стаи непри-

ягельских истребителей перехватывали смелых одиночек и, окружая их, поливали огнем из всех своих пушек и пулеметов...

В первый же день прибытия на фронт майор Кравченко и прилетевшие с ним товарищи узнали о гибели восьми самолетов.

Последовательно, до мельчайших подробностей изучил Кравченко события трагического дня. В походном дневнике майора сохранилась следующая запись:

«Как могло случиться, что мы понесли такую тяжелую утрату, потеряли восемь чудесных товарищей, искусных, смелых воздушных бойцов?

На войне не без жертв. Но боя не было. Внезапное нападение. Противник силен. По имеющимся сведениям, на фронт посланы лучшие из лучших, сильнейшие летчики, «ассы» — короли воздуха. Они стремятся действовать без боя. Их тактика — коварство. Все это мне знакомо... Старые «друзья»!

Будем беспощадны, отомстим за товарищей. Нанесем врагам сокрушительный удар.

Ждите скорой встречи, «короли воздуха»!..»

На небе еще светились угасающие звезды, в красном пламени из-за горизонта поднималось солнце, а по степи уже гудели моторы, у машин сновали техники, и под колесами самолетов от ветра пропеллеров волнами стлалась трава. Стоя со своим комиссаром у юрты, Кравченко оглядывал степь. Был пятый час утра.

— Ну как, комиссар? — многозначительно сказал Кравченко. — Погода сегодня летная. У меня какое-то предчувствие, что сегодня мы будем разбирать... конфликтные дела.

— Совершенно точно. Ты прав, — понимающе сощурил глаза комиссар Калачев. — В такой денек может наверняка состояться...

— А знаешь, комиссар, — сказал Кравченко таким тоном, как будто сейчас, в эту секунду ему пришла в голову внезапная мысль, — давай мы первые возьмем слово... как говорится, проявим инициативу. Будем надеяться, что ругать нас не станут. Порешили? Так и быть! Я сейчас займусь кое-чем, а вы, товарищ комиссар, отдайте распоряжение командирам и комиссарам, чтобы они явились сюда через час на самолетах...

Ровно через час слетевшиеся со всех аэродромов Н-ского полка командиры и комиссары собрались в юрте у Кравченко.

— Боевой порядок таков, — сообщил Кравченко и огласил приказ.

Тринадцать минут длилось совещание.

— Вылетим в девять-ноль-ноль, — закончил Кравченко. — Все ясно? Вопросов не будет? Предлагаю всем вылететь на свой аэродром.

За полчаса до вылета Кравченко связался по телефону с командующим, и между ними произошел следующий странный разговор.

— Разрешите сходить в гости, — начал Кравченко, — недалеко... несколько десятков шагов...

Командующий промолчал, очевидно раздумывая, затем ответил:

— У вас все в порядке?

— Нам все известно... Знакомый давно ждет моего приезда.

— Разрешаю, — сказал командующий. — Счастливо!

Ровно в девять часов, секунда в секунду, Кравченко уже был в воздухе.

Немедленно со всех сторон взвились краснозвездные истребители, и весь полк строгим строем, набирая высоту, полетел к дальним сопкам.

Впереди гудящей армады летел Кравченко. Лучи солнца переливались на покрытом лаком крыле. Внизу сквозили ярко-синие тени холмов, и среди песчаных обрывистых берегов искрилась река.

Сощутив глаза, Кравченко напряженно всматривался то в одну, то в другую сторону, глядел на медленно ползущую зеленую степь. «Скоро... Внимание! — командовал он сам себе. — Внима...»

Напрягая зрение, проверяя себя, зажмурив и снова широко открыв глаза, Кравченко посмотрел вниз. Конец пути! Впереди слева — продолговатое узкое поле. На нем маленькие блестящие силуэты чужих истребителей.

Кравченко поднял голову, обернулся, оглядел «ласточек» и в ту же секунду, качнув крыльями, с левого разворота скользнул вниз.

«Ласточка» понеслась к земле, а за ней, не меняя строя, двинулись все истребители.

Стрелка прибора высоты повернула в обратную сто-

рону, земля помчалась навстречу. В последнюю минуту Кравченко спохватился: «Сколько их?.. Надо сейчас же сосчитать, иначе потом дома начальник штаба замучит вопросами. Сколько?»

Он насчитал семнадцать самолетов и сбился со счета.

Неприятельские самолеты стояли треугольниками. Возле машин копошились, мелькали человеческие фигуры. Засверкали пропеллеры. Один самолет оторвался от аэродрома и взлетел.

«Ведущий», догадался Кравченко и открыл огонь. Взлетевший истребитель отпрянул в сторону, но кто-то из следовавших за Кравченко летчиков пулеметной очередью перерезал ему путь, и вражеская машина упала на землю.

С бешеной быстротой промелькнул аэродром. Бросая самолеты, выпрыгивая на траву, вражеские летчики разбегались по щелям, валились на землю. Поздно!

Пикируя со стрельбой, ураганом пролетел Кравченко над брошенными машинами. Треск пулеметов налетевших «ласточек» доносился сзади.

Огонь охватил один неприятельский самолет, потом вспыхнул, загорелся второй, и пламя заметалось по всему аэродрому.

В сорока метрах от горящих машин пролетел Кравченко. В дыму по аэродрому промчалась бензиновая автоцистерна.

«Сейчас взорвется», мелькнула мысль. Кравченко стремительно развернулся, и в тот же миг цистерна взорвалась.

Чудовищное пламя закружилось, забушевало посреди аэродрома.

Взлетая ввысь, Кравченко увидел, по номерам узнал звено Красноюрченко.

Три самолета звена Красноюрченко из пушек били по зенитным орудиям, охранявшим аэродром. Зенитки не успели дать ни одного выстрела.

Закончив первый налет, краснозвездные эскадрильи выходили из пике и строем проносились в высоту, а Кравченко снова ринулся к земле, но... земли уже не было видно. Черный дым покрыл весь аэродром, пламя вырывалось словно из недр земли. Вверх к самолетам летели языки огня. Солнце, огонь, дым... Скрылось небо, и все пространство потонуло в дыму.

Истребители.

Отделившиеся «ласточки» громили в стороне базу и склады аэродрома.

«Красота! — похвалил Кравченко. — Это действуют птенцы».

Огромное поле пылало. Аэродром провалился в огненную, дымящуюся бездну.

«Ласточки» полетели домой. Наблюдая с высоты, как выстраиваются эскадрильи, Кравченко ринулся за улетающими «ласточками».

«В дыму некоторые самолеты, наверно, уцелели, — вдруг подумал он. — Надо возвратиться. Бить — так бить до конца. Полный газ!»

Обогнав возвращающиеся эскадрильи, Кравченко выскочил вперед и поднял вверх крыло, давая сигнал: «За мной!»

И эскадрильи снова двинулись туда, где море огня разливалось по неприятельскому аэродрому. В разрывах облаков дыма Кравченко заметил зеленое пятно и два чудом уцелевшие самолета.

В одно мгновение крылатые тени «ласточек» мелькнули над землей, самолеты задымились и вспыхнули. Взорвались бензиновые баки, и зеленое пятно исчезло, поглощенное дымом.

...Поют моторы. «Ласточки» летят над рекой, над холмами, и летчики уже видят свой аэродром.

В 10 часов 12 минут все самолеты совершили посадку. В 10 часов 25 минут начальник штаба докладывал командующему о результатах. Короткий доклад он закончил рапортом:

— Все прибывшие самолеты в полном порядке и хоть сейчас готовы к вылету.

День только начинается

(Из записок майора Г. Кравченко)

«Итак, мы встретились. «Старые друзья» надолго запомнят наш визит.

Вернувшись на аэродром, мы без конца пили воду. Летать между огнем и солнцем довольно жарко. Шум голосов, смех раздавались на аэродроме.

Товарищи вспоминали подробности боя, а комэск Чистяков настойчиво упрашивал меня разрешить ему слетать к разгромленному аэродрому и разведать, что там происходит.

Разрешил с условием: в случае если откуда-либо появятся истребители, боя не принимать и немедленно возвращаться.

— Знаю я вас, люди вы горячие, того и гляди одни начнете драться со всей авиацией противника!

— Все будет в порядке, — ответил Чистяков и быстро скрылся.

Прошло тридцать пять минут, а Чистякова нет. Телефонный звонок. «Неужели что-нибудь случилось с Чистяковым?» подумал я, беря трубку.

С командного пункта требовали три эскадрильи. Немедленно вылетел мой помощник Виктор Рахов.

Отправив Рахова, я остался у телефона. Через десять минут второй звонок:

«Бой начался. Силы равные, но к противнику подходят резервы, высылай остальных».

— По самолетам! — скомандовал я, усаживаясь в свою «ласточку».

«Ага! День только начинается! — сказал я себе. — Ну что же, продолжим приятную встречу».

И мы полетели на фронт.

Уже издалека можно было увидеть бой и горящие факелы падающих самолетов.

Подлетев ближе, я заметил группу Рахова, наседавшую на противника.

«В нашей помощи Рахов не нуждается», заключил я и, заранее зная, что к противнику в любую минуту может подойти подкрепление, направился с моими оrellиками к ближайшей вражеской базе.

Восемь самолетов стояли, вытянувшись в линейку. Шести мы не дали вылететь. Два поднялись, но мы их сразу зажгли в воздухе. Ребята вошли во вкус! Долго мне пришлось сигналить, пока я оторвал их от неприятельского аэродрома и заставил идти за собой. Окрыленные новым успехом, мы двинулись на подмогу к группе Рахова. Но бой уже закончился, и все «ласточки» возвращались домой.

Полный газ — и мы устремились за товарищами, чтобы скорее узнать исход боя.

Вернувшись на аэродром, мы выяснили: за два вылета уничтожено двадцать семь неприятельских истребителей.

Звонок. Беру трубку и слышу голос командующего.

— Славный денек! — сказал командующий. — Поздравляю с успехом!

Я передал товарищам поздравление командующего.

Шумно делясь впечатлениями, мы направились в столовую. Чистякову понесли обед в палатку. Его легко ранило в ногу.

Возбужденные, веселые, мы сели за стол. Если бы посторонний человек в эту минуту зашел к нам в столовую, он бы ни за что не поверил, что эти хохочущие люди только что вернулись с поля брани. С огненного поля!

Зазвенели ложки, ножи, вилки. Но только мы принялись за обед, послышался гул моторов. Я выбежал из юрты.

Туча вражеских истребителей со стороны солнца быстро надвигалась на наш аэродром.

— По самолетам!

Не задерживаясь ни на секунду, летчики кинулись к своим самолетам.

Две вражеские эскадрильи уже пикировали на соседний аэродром. Одна из наших эскадрилий успела взлететь и приняла бой.

По сигналу одна за другой понеслись ракеты: «Все в воздух».

Я остался на земле следить за тем, чтобы все наши машины вылетели навстречу врагу.

Никогда я еще не видел такого большого и ожесточенного боя. Сто самолетов противника яростно бросались на «ласточек». Но наши орелики взвивались свечками, делали боевые развороты и бросались в ошеломляющую лобовую атаку.

Унеслась в воздух последняя эскадрилья. Настала моя минута.

Ну, «ласточка», пора! Летим.

Ревет небо над головой.

Набирая высоту, я увидел впереди себя одну «ласточку». За несколько секунд до меня она поднялась в воздух.

И вдруг сверху на нее свалился вражеский истребитель.

Ничего не замечая, «ласточка» продолжала подниматься, а в это время противник зашел ей в хвост и открыл огонь.

В последнее мгновение «ласточка» взвилась вверх, но уже было поздно.

На моих глазах погиб товарищ.. Что бы ни случилось, я расплачусь с врагом!

Но хищник заметил меня еще раньше. С высоты он кинулся в пике и зашел ко мне в хвост.

Наметил вторую жертву? Не пройдет!

Пули били, хлестали по хвосту моей «ласточки».

И сразу я почувствовал, что противник необыкновенно силен. «Это, наверное, «асс», подумал я, и на мгновение мне вспомнился мой первый бой.

По сигналу тревоги мы поднялись в воздух и напали на неприятельские корабли. В этом первом бою мне удалось сбить вражеский бомбардировщик. Но в ту секунду, когда объятый пламенем корабль упал на землю, я вдруг услышал позади резкий стук. Обернувшись, я увидел над собой неприятельский истребитель. С первого мгновения я понял, что это искусный воздушный хищник — «асс».

Дважды Герои Советского Союза — товарищи Кравченко, Смушкевич и Денисов.

Выстрелами из пулеметов он пробил в моем самолете бензиновые баки. На помощь мне подоспел мой друг Антон Губенко, и «асс» удрал. С пробитыми баками мне пришлось идти на посадку. Опустившись, я смотрел вдаль, куда скрылся «асс», и меня охватило странное предчувствие, что я снова встречу с ним в воздухе.

С тех пор я мечтал об этой встрече. Но ни разу среди вражеских летчиков мне не пришлось встретить истребителя, который чем-либо напомнил бы мне того «асса». И вот сейчас, неизвестно почему, но мне показалось, что это он.

...Умирать? На глазах у друзей умирать над своим аэродромом в такой великолепный день! Нет, мой день не кончился! Я еще рассчитаюсь с тобой за товарища!

Ежесекундно моя машина проделывала чертовский каскад фигур. Я выжимал из машины и из себя все, что было возможно.

Одна секунда оплошности врага — и мы перешли в лобовую атаку, и начался настоящий бой.

«Силен, — повторял я про себя, устремляясь на неуязвимого противника, — такой заслуживает уважения».

И еще упорней я стал добиваться преимущества. И вскоре огонь охватил машину «короля». Соперник мой выпрыгнул из горящего самолета. Раскрылся купол парашюта, и «асс» стал опускаться на наш аэродром. Стоило мне коснуться гашетки пулемета, и я мог его моментально расстрелять, но я оставил его в живых. Интересно будет посмотреть на этого редкого матерого воздушного волка.

Снижаясь, я видел, как Виктор Рахов на небольшой высоте гоняет противника. С головы Виктора сорвало шлем, его вьющаяся шевелюра развевалась в воздухе. Гордость взяла меня за приятеля, так искусно он гонял врага, не давал ему передышки. В эту минуту гонимый Раховым самолет противника закувыркался. Вражеский летчик выбросился на парашюте.

Двоем с Раховым мы поднялись вверх, но вражеские самолеты, так быстро нагрянувшие на наш аэродром, еще быстрее ударили.

...Надвигались сумерки. «Ласточки» приземлились. Бесперывно звенели телефоны. Нас поздравляли... с днем рождения».

**
**
**

Ночью командующий воздушными силами фронта отправил в столицу в Москву народному комиссару обороны СССР маршалу Ворошилову следующую телеграмму:

«Истребительный полк, командир которого Герой Советского Союза Кравченко, провел сегодня два налета на передовые аэродромы противника и два воздушных боя — один над фронтом, второй при налете у себя на аэродроме. Уничтожено 32 неприятельских истребителя. Во время налета потерян один наш летчик».

Три дня Кравченко собирался съездить посмотреть на захваченного в плен «асса», которого он сбил в бою и оставил в живых, дав ему возможность спуститься на парашюте. Улучив свободное время, Кравченко поехал в Н-ск, куда отправили пленника. Переводчик повел его к палатке, где стоял часовой. По пути переводчик рассказал, что накануне вражеский летчик открыл свое имя и звание. Он майор авиации Х., сорока одного года от ро-

ду. Майор Х. получил задание высшего командования разгромить соединение Кравченко в ответ на налет.

Ускорив шаг, Кравченко подошел к палатке и поднял полог. Пленный майор сидел на кошке, поджав ноги. Он исподлобья посмотрел на появившихся возле него людей.

Увидев на груди Кравченко ордена, он встал и по-военному вытянулся. Переводчик сообщил пленному, что перед ним Герой Советского Союза майор авиации Кравченко.

Седящая голова майора чуть дрогнула, узкие глаза его вспыхнули и сразу погасли. Сжав губы, майор вежливо улыбнулся и сделал поклон головой.

И вдруг Кравченко почувствовал непонятное волнение.

— Скажите, майор, — через переводчика обратился он к пленному, — вы уже участвовали в боевых действиях против нас?

— Участвовал, — ответил пленный.

— Не участвовали ли вы в бою над N.?

— Да... я участвовал в бою над N.

— Не помните ли вы, не случилось ли вам видеть в этом бою истребителя, который, оставшись один, гнался за вашим бомбардировщиком и сбил его?

— Превосходно помню, — оживился майор. — Заметив этого истребителя, я бросился к нему, удачно зашел в хвост и стал стрелять...

Кравченко молча подошел вплотную к пленнику.

— Отчего вы так... пристально смотрите? — отступая на шаг, промолвил майор и, пытаясь улыбнуться, добавил: — Хотите меня запомнить, как, наверное, запомнил ваш соотечественник... того истребителя?

— Запомните вы, — ответил Кравченко: — это был я! И летчик, который третьего дня сбил ваш самолет, — это тоже был я...

М. Розенфельд

СТАЛИН

Мы с именем его границу перешли,
Вдохнули дым родной отторженной земли,
И это имя нас встречало здесь,
Как дружбы знак, освобожденья весть.
Мы с этим именем ходили в бой,
Оно вело бесстрашие за собой.
В нем было все, что дорого бойцу,
Любовь и верность другу и отцу.
За родину! За Сталина! Вперед!
И прогремел великий наш поход.
Я знаю — нынче он в Москве, в Кремле,
Но кажется, что видел я во мгле
Его идущим впереди полков
Бессмертной Армии Большевиков.
Шагал он с нами в дальние края,
Его шинель — такая ж, как моя.
Он с нами был, по пять ночей не спал
И песню пел, заведя прывал.
Мы город заняли. Вставал рассвет.
Принес мальчишка Сталина портрет.
О, неумелый детский карандаш,
Как ты величье солнца передашь?
И мы сказали мальчику: ну что ж,
Не на портрете — в сердце он похож.
В шинели, с трубкой. Он такой, такой,
Ведущий землю мудрою рукой,
Ведущий честных сыновей Кремля
Освобождать голодные поля.
О нем мы песни светлые поем.
Любой боец всегда идет вдвоем —
С ним рядом Сталин! Он ведет вперед.
И потому непобедим народ!

Е. Долматовский

МОЛОТОВУ

Был сентябрь.

Уже открылись вузы.

Синий полдень небо отворил.

По всему Советскому Союзу

Молотов

с народом

говорил.

Темная, военная Европа

Затянулась тучей грозовой.

Вячеслав Михайлович!

До гроба

Буду помнить

ясный голос

твой.

Так неторопливо и спокойно

Возникали

в рупорах

слова.

Из подсумков вырвались обоймы,

Под броневики легла трава.

Молнией сверкнуло наступленье:

Слово сказано —

и час пробил.

И великий зов

освобожденья

Каждому из нас понятен был.

В этом голосе все было наше:

Говор наш,

Москва,

жизнь-бытьё.

Вячеслав Михайлович!

Мы даже

Слышали

дыхание

твое.

И, ломая ельничек зеленый,

Взводы танков кинулись в леса.

От Москвы до Минска

в эшелонах

Пели,
торопились
корпуса.

Слыша этот голос,
смолк
огромный

Материк,
дыханье затая.
Вячеслав Михайлович!
Не громом —

Правдой
поражала речь твоя.
И тогда по всем дорогам пыльным
Птицы-кони понесли бойцов.
Черевиченко
летал на Вильно,
И Еременко
скликал донцов.

Гул моторизованных дивизий.
Золотых костров походный дым.
Парки графские
в осенних ризах
Огласились
лязгом штыковым.

Лист холодный.
Синяя погода.
Первые счастливые бои.
Вячеслав Михайлович!
Народу
Были радостны
слова твои.
Мать, услышав их,
не затамится —
Виден ей
порог
иной земли.
До свиданья,
старые границы!
Мы надели шлемы
и пошли!

плох противник пытался сопротивляться. Вперед двинулись наши кавалерийские части. Копыта коней утопали в осенней грязи. Побывав на командном пункте, я с двумя адъютантами отправился на легковой машине догонять наши разведывательные части. Ночь была темная, хоть глаз выколи. Шофер с трудом находил дорогу. Дороги были незнакомые, немощеные, от дождя размокли. Машину трясло, она пробиравалась с трудом. Вскоре мы обогнали кавалерийские полки. Дождь не переставал. В темноте мы двигались все дальше и дальше. Наших разведывательных частей нигде не было. Они проскочили вперед. Мы проехали уже сорок километров. Стало светать.

— Какой ближайший городок? — спросил я своего адъютанта.

— Вышбрудок.

— Вот там, очевидно, мы и найдем наших танкистов. Чаю попьем.

— Товарищ начальник, а если там наших частей еще нет? — спросил шофер. — Не опасно ли нам одним туда ехать?

Но я был уверен, что в городе Вышбрудке стоят наши.

— А мы-то разве не часть? — пошутил я. — Едем.

Шофер дал газ. Действительно, вскоре мы догнали двигавшиеся по грязной дороге танки. Мы обогнали их, обогнали и пехоту, посаженную на грузовики. В небе прояснело, дождь перестал, и вскоре я увидел впереди колокольню. Это, очевидно, и был Вышбрудок.

Вот и окраины городка, бедные, покосившиеся домишки со слепыми окошками, грязные переулки. Мы завернули за угол и увидели такую же грязную, не очень большую площадь. На площади толпился народ.

— Товарищ начальник, полицейские! — воскликнул шофер.

Разворачиваться было поздно и негде. Действительно, возле большого дома, очевидно полицейского управления или ратуши, стояла шеренга вооруженных до зубов полицейских, человек восемнадцать-двадцать. А впереди стоял офицер.

— Гони прямо на полицейских! — сказал я шоферу.

Он так и сделал. Круто развернул, затормозил. Полицейские, само собой разумеется, приняли нас за польское начальство. Они вытянулись в струнку. Я вылез из маши-

ны и сразу сообразил, что наших частей здесь еще не было. Очевидно, они проскочили Вышбродок, устремляясь дальше и обойдя этот городок стороной. Ко мне подходил жандармский полковник. Он отдал честь и отработал:

— Господин генерал, в городе все в порядке, налицо девятнадцать жандармов...

Тут он осекся. Не давая ему опомниться, я сказал:

— Вам известно, что Красная армия освободила народы Западной Украины? Приказываю сложить оружие перед собой и отойти назад на два шага.

Оторопевший полковник скомандовал своим жандармам по-польски. Они сняли винтовки и револьверы и сложили их перед собой. Затем отошли назад на два шага и стали «смирно», растерянно глядя, как мои адъютанты грузили в машину их девятнадцать винтовок, девятнадцать револьверов и множество гранат.

— Теперь идите в полицейское управление, — сказал я адъютанту Белкову, — и перережьте провода.

Адъютант вошел в здание, оказавшееся действительно полицейским управлением, и на глазах у находившихся там чиновников перерезал провода. Теперь Вышбродок был отрезан от польских частей.

Машину обступили горожане, принялись расспрашивать нас. Раздались голоса:

— Да здравствует Красная армия! Ура!

В это время подошли танки, которые мы обогнали в пути. Народ радостно приветствовал танкистов. Я предложил командиру части навести в городке порядок. Мы же двинулись дальше, на Тарнополь.

Внезапное решение. Военная хитрость

В Тарнополе шел бой. Польские офицеры, ксендзы, жандармы, полицейские забились в квартиры, в костелы, на колокольни и обстреливали из пулеметов наши части. Очистить город от панского охвостья было не легко. Командир кавалерийской части, занявшей город, Шарабурко показывал пример своим кавалеристам, боровшимся буквально за каждый дом, за каждый переулок, за каждую улицу. Постепенно удалось выбить из забаррикадированных квартир отчаянно защищавшихся стрелков. На

это ушло два дня. 18 сентября Шарабурко доложил мне, что член Военного совета приказывает мне организовать мототанковый отряд, сегодня же двинуться в путь и 19-го войти во Львов.

Приказ мы решили выполнить во что бы то ни стало в срок. Через час триста конников в боевой готовности сидели на грузовых машинах. К семи часам вечера на окраине города был собран весь наш небольшой отряд. Пятнадцать танков двинулись вперед по дороге Тарнополь — Львов как передовой отряд. Остальные машины двинулись следом. Снова мы шли в кромешной темноте, по незнакомым дорогам, и шоферы наши показывали чудеса ориентировки и самообладания. Наш отряд был очень невелик: всего триста пятьдесят бойцов, тридцать пять танков и броневиков. До Львова оставалось сто тридцать километров. Мы двигались все дальше и дальше.

Небо было затянуто тучами, и только изредка из-за туч вылезала луна. Водители вели машины вслепую. Фары были потушены, мы попрежнему не хотели обнаружить себя. Мы ведь не знали, что можем встретить впереди. Я знал только, что польские части, потеряв свое главное руководство, бросившее их на произвол судьбы, отовсюду тянутся во Львов, чтобы соединиться с львовским гарнизоном.

Так и есть! Впереди что-то движется. Мы оказались в хвосте колонны, продвигающейся по шоссе. Велика ли колонна, трудно определить.

— Все шоссе запружено впереди войсками, — тихо докладывает мне адъютант.

Что делать? Я принял решение: двигаться вперед. Это, несомненно, польские части и довольно крупные. Им не придет в голову, что наш отряд невелик. Попробуем прорваться. Загудели машины. Поляки расступились по сторонам, открывая нам дорогу. Значит, они действительно принимают нас за своих!

— Полным ходом вперед!

— Вперед!

Неистово загудели машины. Мы рванулись вперед. Слева и справа в темноте что-то двигалось. Это были враги. Мы с двух сторон были зажаты врагами. Колонна казалась бесконечной. Я принял решение разоружить поляков. Приказал шоферу, проскочив к голове колонны, круто развернуться и зажечь фары, с тем чтобы внезап-

но ослепить и ошеломить поляков. То же самое сделают и другие. Это будет своего рода «психическая атака».

Здесь был, конечно, известный риск. Поляки могли открыть стрельбу. Но решение было принято. Мы проскочили колонну. Впереди было чисто — никого. Водитель круто развернул машину, включил фары и загудел.

Вслед за ним то же самое сделали и остальные водители. Это могло нагнать страх на кого угодно. Ослепительные огни фар, неистовый вой сирен... Колонна поляков замерла на месте. Командир головного броневика направил пушку и пулемет на передние ряды. Он взмахнул рукой — и неистовый вой сирен прекратился. Командир привычно крикнул:

— Вы окружены Красной армией! Сдавайте оружие.

Бойцы мои соскочили с машин. Вид у них был чрезвычайно решительный. Поляки могли подумать, что попали в тиски по крайней мере целой дивизии. Не пытаюсь сопротивляться, они стали сдавать оружие. Через полтора часа на краю дороги, в канаве, лежал ворох винтовок, наганов и шашек; в поле толпился табун в двести пятьдесят оседланных лошадей. Оказалось, что мы разоружили два полка пехоты, саперов, кавалеристов и артиллеристов.

Под Львовом

Мы продвигались ко Львову.

Вскоре въехали в местечко Подгорцы. Остановились. Я вошел в одну хату, увидел страшную нищету. Стол да лавка с покосившимися ножками — вот и вся мебелировка. Невольно я вспомнил детство, родной хутор и нашу бедную кибитку.

Когда я вышел из хаты, нас окружили крестьяне. Они засыпали нас вопросами.

По дороге двигались танки. Чумазные ребята бежали за машинами, выпрашивая у танкистов звездочку.

Прошла машина с пленными офицерами...

Вот здесь, под Львовом, у его ворот, девятнадцать лет назад стояла Первая Конная армия. Буденный и Ворошилов видели, как город готовился к сдаче, как уходили с вокзала бесчисленные эшелоны на Краков. Львов мог стать девятнадцать лет назад советским. Но предатель

Троцкий приказал Конной армии отойти от Львова, толкнул ее в железное кольцо польских войск, в непроходимые топи и болота. Троцкий жаждал, чтобы Первая Конная погибла. Первая Конная не погибла, она разорвала кольцо и с честью вышла из окружения. И вот Красная армия снова стоит у львовских ворот.

Мы увидели колокольни львовских соборов, величественные здания и дворцы. Мы подошли к восточной окраине города. Двадцатитысячный польский гарнизон объявил о сдаче. Оставалось войти в город. Но все улицы и переулки были забаррикадированы. Гарнизон сопротивления не оказывал, он вышел из города, но в городе остались отдельные офицеры, жандармы, ксендзы, полицейские. Так же как и в Тарнополе, они засели на баррикадах, в домах, на чердаках, колокольнях.

Броневики дальше пройти не могли. Шоссе пересекал широкий и глубокий ров. За рвом возвышались баррикады, из-за которых в нас стреляли засевшие там враги. Я собрал группу командиров. Мы решили проникнуть в город во что бы то ни стало. Вслед за нами пойдут спешенные кавалеристы. Они освободят дорогу броневикам. Одолев первую баррикаду, мы с боем стали продвигаться к центру города. Стреляли отовсюду — из окон, с крыш, с чердаков. Наконец мы добрались до дворца воеводства, ворвались во дворец и забрали в плен его защитников. Борьба за советский Львов закончилась.

Это было утром 19 сентября. Приказ был выполнен точно в срок. Мы могли рапортовать об этом командующему украинским фронтом товарищу Тимошенко.

ПЕСНЯ О ТИМОШЕНКО

По-над Збручем, по-над Збручем
Войско красное идет.
Мы любых врагов проучим —
Тимошенко нас ведет.

Он с врагами лихо бьется,
А с бойцами — как отец.
За любимым полководцем
Смело в бой идет боец.

Маршал наш остановился,
Стал суровым ясный взгляд, —
Здесь с панами он рубился
Девятнадцать лет назад.

Вспомнил воин путь геройский,
Вспомнил он двадцатый год,
Как орел, взглянул на войско
И скомандовал: «Вперед!»

И пошли мы грозной тучей,
Как умеем мы ходить,
Чтобы братьев там, за Збручем,
От ярма освободить.

Шли мы быстро, шли с боями,
И куда ни погляди —
Тимошенко вместе с нами,
Тимошенко впереди!

Каждый шел за ним с любовью,
Он берег нас, как сынов,
И разбили малой кровью
Мы зарвавшихся панов.

Мы всегда в поход готовы,
Порох держим мы сухим,
Чтоб итти к победам новым
За наркомом боевым.

В. Лебедев-Кумач

ВСТРЕЧА

Так приветливо,
 так взволнованно,
будто знала давно
 в лицо —
принимает
 страна раскованная
сильных,
 мужественных бойцов!
Старики
 стоят
 белоусые,
слезы радости
 в сотнях глаз:
— Вот
 и Западная Белоруссия
счастья нового
 дождалась! —
Вот девчонка одна
 проходящая
закричала бойцу:
 — Иван! —
потому что
 мы все — похожие
на любимых,
 на близких вам.
Мчатся танки,
 несется конница,
входят в села
 весна и новь.
Жизнь начнется
 и перестроится
без жандармов
 и без панов!
Все, что было
 цепями сдавлено,
разогнется —
 и нет оков! —
под великим знаменем
 Сталина,
с верной помощью
 большевиков!

Все,
что нам
дала революция,
расцветет
и на вашем пути.
Здравствуй,
Западная Белоруссия!
Счастьем встречи
сияй,
цвети!

С. Кирсанов

СПИРТ

Кавалерийский взвод остановился близ местечка Мостяны. Слева от дороги шумели вековые деревья парка графа Друцкого. Кавалеристы спешили, расседлали коней, и лейтенант Ковальков направился в бывшее графское поместье за сеном. Походный рацион был израсходован за дневной переход, и сетки для сена, висевшие вместе с переметными сумами, были пусты.

Ковальков, в мирной жизни аспирант Сельскохозяйственной академии, пошел по широкой обсаженной дубами дороге. Поля по сторонам не были поделены на узкие крестьянские полосы, как это было повсюду, жирная земля пахоты могуче чернела. В парке грудями лежали сухие желтые листья; какие-то птицы еще посвистывали на вершинах деревьев; вьющийся виноград с мелкими черноватыми ягодами поднимался под самую крышу дома графа Друцкого. Дом был пуст и наглухо закрыт деревянными ставнями. Вокруг в парке было тоже безлюдно, и тишина тенистых аллей и листопад как бы подтверждали, что родовитое обиталище это навсегда покинуто.

Ковальков обошел дом, попробовал заглянуть внутрь сквозь неплотно прикрытую ставню, но оттуда только не-

людимо блеснул угол изразцовой печи. От террасы главная аллея вела сквозь дубовую и буковую рощу к низким длинным зданиям, тянувшимся по обеим сторонам дороги, — службам. Три маленькие белоголовые девочки сидели на приступочке одного из домов под большим синим зонтом. Кое-какие вещи из графского дома уже успели поделить между собой крестьяне. Синий отсвет зонта лежал на лицах девочек. Ковальков присел возле них и погладил одну из девочек, постарше, по белой нечесаной голове.

— Матка в доме? — спросил он у нее.

Девочка не ответила и только вздохнула.

— Ох, и дикие вы тут! — усмехнулся Ковальков. — Видно, с первых же дней напуганы вашими панами...

Он поднялся на крыльцо и открыл низкую дверь в комнату. Комната была с земляным полом, темное, скорбное жилище батраков. Седая старуха безучастно прятала кудель, и колесо древней прялки крутилось возле ее руки.

— День добрый, бабка! — сказал Ковальков. — А где же все ваши люди? Во дворе никого нема, в доме тоже.

— В поле, панский картофель копают, — ответила старуха, не поглядев на него. — Може, паны в свой майонтек¹ зворотились? Чего вам треба?

— Нет, паны не возвратятся, — сказал Ковальков. — А нужно мне купить для наших коней сена. Где у вас крестьянский комитет помещается?

— Слаvek наиперший, у него вшистке ключики.

И Ковальков пошел искать Славека. Он обошел еще несколько домов и внезапно почувствовал стойкий, тяжелый запах спирта.

Маленький винокуренный завод стоял в стороне. Окна в нем были выбиты, земля вокруг иодно-ржаво рыжела, и было ясно, что весь спирт, перед тем как бежать, помещики выпустили на землю. Ковальков покачал головой и пошел к картофельному полю.

Все население усадьбы и ближних деревень копало картошку. Крупный розоватый картофель грудями, как ядра, лежал вдоль обочин. Люди увидели командира и обеспокоенно стали подниматься ему навстречу. Они всё еще не были уверены, что теперь это их навсегда — вся

¹ Поместье.

земля, картофельное поле и лес, только вчера принадлежавшие графу Друцкому.

— Копайте, копайте, — сказал Ковальков. — Это картошка самого лучшего сорта, называется она «снежная роза»... — И он присел у большой груды картофеля и опытыми руками стал перебирать крупные телесно-розового цвета картофелины.

Крестьяне и батраки окружили его, и среди них оказался сам Славек, председатель крестьянского комитета и хранитель ключей от всех амбаров и складов графа Друцкого. Это был крепкий с тугими белокурыми волосами человек, бывший батрак графа Друцкого. Сено есть лучшего сорта, клевер с викой пополам, и он сейчас распорядится отпустить его красным конникам. Легко ступая босыми ногами по холодной земле, Славек повел за собой командира. Ковальков покосился на его ноги и сказал:

— А без сапог, пожалуй, холодно, Славек.

— Ничего, на буты мы еще заробим, товарищ командир, — ответил тот весело. — Тут працы нам до уст хватит. — И он движением показал, что работы теперь по самый рот. — Паны поутикали, хлопы тилько дышать начали... Картофель копать и то не все вышли, испуг еще держит.

Он шел впереди и поигрывал огромной связкой ключей, с которой, очевидно, не расставался.

— Паны поутикали, — сказал он еще, — весь спирт с завода, гады, в землю спустили... траву на лугу всю спалили. Не видели? Яки ж хлопы побежали, кто кубелем, кто шапкой спирт тот черпают... ну, с бочку начерпали, только пить никто не стал. Тут трактор один господарский остался, а механик тоже вместе с управляющим утек. Ну, хлопы на собрании так порешили: пускай спирт тот на трактор пойдет. Пускай радзецкую землю перший запашет... Была та земля графской, теперь всех хлопов земля будет. Я так говорю?

И он показал Ковалькову свои белые зубы. Ковальков смотрел на ржавую землю, на пережженную выпущенным спиртом траву и отозвался не сразу.

— Что же, ваш механик бежал, и теперь на трактор некому сесть? — спросил он погоду.

— Нема никого... Хлопы до того дела не обучены. Може, от вас теперь на помощь пришлют?

Он провел Ковалькова к сараям и хозяйственно стал

Взаимодействие пехоты с танками. (На тактических учениях.)

открывать большими ключами двери. Сараи были доверху набиты помещичьим сеном; это была, действительно, пахучая смесь клевера и вики, и Ковальков представил себе, как накинута утомившиеся лошади на этот корм. Слаvek отгреб сена, сколько было нужно. Потом кавалеристы, за которыми послал Ковальков, охапками перетаскали его к месту привала. Одного из них, отделенного командира Смушко, Ковальков задержал при себе, пока Слаvek подгрребал остатки сена в сарае и вешал на двери большой, тяжелый замок.

— Вот какое дело к тебе, товарищ Смушко, — сказал ему Ковальков. — Крестьяне собрали здесь бочку чистого спирта, и есть у них трактор, которым никто не умеет управлять. Давай покажем им, как запахивать землю. Все-таки они этого лет двести дожидались, наверное, чтобы помещицы и графские земли для себя распахать.

Смушко, когда-то работавший на машинно-тракторной станции, веселый черниговец и первый песенник в эс-дроне, мигнул живым черным глазом и готовно отве

— Это можно, товарищ лейтенант, если только трактор в порядке. Ну, где он у вас тут стоит?

И Слабек повел их к навесу, под которым стоял трактор. Это был устаревший слабосильный «джон-дир», и Смушко посвистал, оглядывая его со всех сторон и пробуя управление.

— Гоните спирт, — сказал он затем. — Запашу вашу полосу.

Из амбара прикатили бочку со спиртом, который крестьяне успели спасти, и заправили трактор. Смушко включил зажигание, и вскоре с треском и постреливая, как из ружья, заработал застывший мотор трактора. Потом он медленно двинулся из-под навеса и направился к полю, которое нужно было запахать под озимые. Крестьяне, копавшие картофель, бежали навстречу трактору и махали шапками. Смушко вывел трактор к обочине поля, и сверкающий плуг стал разваливать жирную черную землю позади трактора. Красноватые черви извивались на глыбах развороченной земли. Это был чернозем, годами удобряемая помещичья земля, на которой впервые суждено было взойти крестьянскому урожаю.

— Чистый спирт, чувствую! — крикнул Смушко, показывая такие же белые, как у Слабека, зубы. — Как «бюик», работает!

И он повел трактор дальше, поднимая землю, нашатырно пахнущую густым, полновесным запахом перегноя.

— Як спирт спалил траву, — сказал вдруг серьезно Ковалькову Слабек, — нехай так же спалит всю панскую проклятую неволю, в какой жили мы, хлопы... Пускай на спирте том не один трактор еще на нашем поле пойдет!

Он стоял, расставив босые ноги, и голубыми немигающими глазами смотрел вслед трактору. Травы на обочине, сожженная выпущенным спиртом, бурела.

— А Червоная армия хлопов всякому добру научит, — сказал он еще. — И поле орать и карабин против панов держать!

Смушко вспахал полосу и вернулся на тракторе под навес.

— Ничего, еще будет служить, — одобрил он и похлопал машину. — А мы вам тут таких тракторишек подберем!

Крестьяне пошли провожать кавалеристов к месту при-

вала. Отдых кончался, и лошади жадно дожевывали последнее сено. Раздалась команда, всадники стали завязывать переметные сумы и седлать коней.

— Ну, бывайте здоровеньки! — сказал Ковальков и протянул председателю крестьянского комитета руку. — Весной, может, проедем, — у вас вот такие будут хлеба!

Он засмеялся и показал рукой выше своего роста.

Скоро взвод снова двинулся дальше. Опять рослые тела кавалеристов закачались в седлах, и лошади хрустели удилами и роняли зеленоватую от сена пену, и легкий дымок пыли поплыл позади кавалерийского взвода.

Крестьяне местечка Мостяны стояли на пригорке и провожали всадников. Рыжая кобылка Ковалькова все еще недовольно дергала головой — удил мешали ей. С поворота, оглянувшись, Ковальков увидел еще деревья окраины парка и рыжеватую покатость земли возле винокуренного завода. Это был крепкий спирт, на нем хорошо работал старенький трактор «джон-дир», и он навсегда, как осеннюю траву, должен был выжечь для людей прошлое.

— Товарищ лейтенант, — сказал вдруг Смушко, подъезжая сбоку, — а ведь никто из мужиков глотка спирту того не попробовал, а сохранил для трактора! Удивительное дело, ей-богу... Здорово, значит, народ по счастью соскучился!

Теперь графские поля кончились, опять пошли крестьянские нарезанные лоскуты земли, и Смушко опытным взглядом бывшего тракториста оглядывал все эти полосы и межи, предвкушая, как сровняют их в одно народное поле трактором.

В. Лидин

БАЛЛАДА О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Там снег с землей, песок с золой
Перемешались кашей.
То был налет наш огневой,
Работа пушек наших.
Спешил снаряд снаряду вслед,
И было столько бито,
Что без отметки камня нет,
Вершка земли невзрытой.
Казалось, мы карьер вели
В обрушенном откосе.
И был отрыт из-под земли
Бетонный броненосец.
Он был отрыт, помят, подбит,
И мог увидеть всякий
На той броне из толстых плит
Ударов наших знаки.
Его мы доняли огнем,
Но за стеной бетонной
Еще дышал, дежурил в нем
Противник оглушенный.
Он не дремал, глаза разул, —
Чуть поднимись пехота —
Из уцелевших амбразур
Строчили пулеметы.
Укрыт броней, сидел в тепле.
А мы в снегу сыпучем
Ничком лежали на земле
У проволоки колючей.

И смельчаки из наших рот,
Бесценные ребята,
С рукой, протянутой вперед,
С винтовкой, в ней зажатой,
В сугробах сделав шаг-другой,
Навек закоченели,
И снег позёмкою сухой
Присыпал их шинели.
Уже считалось: никому —
И храбрцу любому —
К откосу черному тому
Не добежать живому.
Но вот привстал еще один,
Другой — и мы за ними.
Был первым Шилов, командир, —
Запомним это имя!
На тот откос он знамя нес,
Он звал нас за собою.
— Ура! За родину! — неслось
Над белым полем боя.
Когда ж убитым он упал,
Бежавший вслед с другими
Схватил древко боец Лупан, —
Запомним это имя!
— За мной, ребята! — крикнул он
И кинулся на взгорок.
Не добежав, он был сражен.
Но шаг — и тот был дорог.
И третий знамя подхватил,
Как в беге эстафету.
Героем третьим Зубец был, —
Запомним имя это!
Его противник не скосил,
Он жив и ныне с нами.
Он добежал, он водрузил
На взгорке наше знамя.
Еще на этом рубеже
Держался враг упорно,
Но знамя красное уже
Вилось над башней черной.
И подползти, подлезть к нему
С незанятой опушки
Мы не давали никому,
Держали всех на мушке.

Бойцы, отменные стрелки,
Следили неотрывно,
Чтоб протянуть к нему руки
Не мог, не смел противник.
Тут было сказано: «Не троны!»
И наше слово точно.
А он по знамени — огонь.
А мы — огонь по точкам.
И вновь ему — ни встать, ни сесть,
Ложись, забудь забаву.
Мы охраняли нашу честь
И наших братьев славу.
Мы не щадили ничего
В бою за знамя наше,
Чтоб подвиг павших за него
Был памятней и краше.
И в тыл к врагу неслася весть
Тревожная, большая.
Забыл он пить, забыл он есть —
Земля под ним чужая.
Не до воды, не до еды,
Как ворвались с гранатой
В его подземные ходы
Советские ребята.
И для раздумья срок был мал,
Помедлишь тут едва ли.
Кто сразу рук не поднимал, —
— Отжил! — рапортовали.
Пробился зимний свет в дыру,
Где днем темно и ночью...
И знамя наше поутру
Чуть трепыхалось на ветру.
Простреленное в клочья.

А. Твардовский

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

(Рассказ Героя Советского Союза П. Леонтьева)

Я командир сверхмощного орудия. Мое орудие такое тяжелое, что поставлено не на колеса, как другие орудия, а на гусеницы: колеса от его тяжести увязли бы в землю.

Стреляет мое орудие на десятки километров. Так как цель с того места, где стоит орудие, увидеть невозможно, нашим артиллеристам приходится применять для стрельбы сложные математические вычисления. Определить же, куда оно бьет, может только наблюдатель, поднимающийся на самолете.

Стояли сильные морозы. Финны часто обстреливали нашу батарею. Командир части вызвал меня к себе на наблюдательный пункт и поставил передо мной задачу: выдвинуть мое орудие вперед и прямой наводкой разбить ближайшую ДОТ¹.

Никогда еще, пожалуй, из такого мощного орудия не били прямой наводкой по такой близкой цели.

Огонь по ДОТ мне было приказано открыть завтра в восемь часов утра.

Итак, в запасе у меня вечер и ночь.

В сумерках я повел своих бойцов к заранее выбранному месту, где будет стоять наше орудие.

Я показал бойцам, где траншеи противника, где расположена ДОТ. Справа от нас чернел лес, в котором наших частей не было. Я выставил охранение, и мы принялись за установку орудия.

Стучим о промерзшую землю лопатами, ломami, и звуки наших ударов разносятся далеко. Финны услышали, начали обстрел. Минут тридцать пришлось нам лежать на снегу. Когда они перестали стрелять, мы снова принялись за работу. Бойцы работали дружно, с удовольствием.

Как было условлено, наш дивизион открыл огонь по всей финской сопке, чтобы финны не слышали шума трактора, тащившего наше орудие. И вот орудие наконец установлено.

Установив орудие и замаскировав его ветками и кустарником, я стал ждать рассвета.

Наконец рассвело. Прямо перед собой увидели мы финскую ДОТ. Ровно в восемь часов мы открыли огонь.

¹ ДОТ — долговременная огневая точка.

ДОТ. Следы от снарядов.

Нам не повезло. Первый снаряд угодил в перевернутый пустой танк, уже дней десять валявшийся перед этой ДОТ. Танк загорелся, из него повалил густой дым и заслонил от нас ДОТ. Делай, что хочешь! Хоть вези орудие на новое место!

Я начал волноваться.

И вдруг ветер переменился. Дым повернул в другую сторону, и ДОТ опять стала видна.

— Огонь! — команду я.

И вот — попадание. Ослепительный блеск разрыва, грохот, черный дым.

Настороженно жду.

На бетонной стенке ДОТ — светлое пятно. Это воронка от моего снаряда. И вокруг на стене черные паутинки. Догадываюсь, что это развороченная арматура. Удача взволновала меня. Мои номера, вижу, тоже волнуются.

— Огонь!

Перелет.

Ах ты, дьявол! Волнение сказалось.

Сбавили прицел.

— Огонь!

Попадание.

Взрыв ДОТ.

— Огонь!

Попадание.

ДОТ начала, в свою очередь, яростно обстреливать нас из пулеметов и орудий. Пришлось залечь в ровик и прекратить огонь. Два финских снаряда разорвались около самого ровика. Нас всех обсыпало землей. Одному бойцу поцарапало лицо. Однако орудие цело и все живы.

Когда обстрел чуть-чуть ослаб, я подал команду:

— К орудию!

Орудие было засыпано землей. В канале ствола и на замке — земля. Быстро прочищаем механизмы... Все в порядке.

— Огонь!

Финны опять усиливают обстрел, но их снаряды ложатся не точно, и мы продолжаем вести огонь.

С ДОТ слетел массивный стальной купол.

Посылаю несколько снарядов в середину ДОТ.

В середине ДОТ — пробоина. Тогда начинаю крушить его левый бок. В левом боку — пробоина. Принимаюсь за правый бок — и здесь пробоина. Опять целюсь в середину ДОТ.

Наконец ДОТ разрушена.

Посылаю к командиру дивизиона бойца с донесением: «Задание выполнено. Прошу подать трактор».

Лежим и ждем.

Наша артиллерия начала яростно обстреливать всю финскую сопку, чтобы дать возможность трактору подойти к нам. Трактор прибыл. Поспешно увозим орудие и идем в землянки отдохнуть.

Наутро получаю приказ:

«Выехать на левую сторону дороги. Уничтожить ДОТ № 42».

Садимся в машины, выезжаем. Выбрать место для орудия на этот раз оказалось очень трудно. Начали рыть окоп, а грунт — сплошной камень. Бросили этот окоп, перешли в другое место, снова начали рыть, но грунт почти такой же жесткий.

Финны заметили нас и принялись обстреливать из орудий и пулеметов. Работать стало невозможно, и мы отползли в сторону. Финский снаряд разорвался совсем невдалеке от нас. Когда обстрел приутих и мы снова собрались, работа пошла гораздо быстрее. Место готово. Подвозим орудие. Начинаем обстрел ДОТ.

Первые два снаряда — мимо, третий — попадание. На пятом снаряде финны побежали из ДОТ. Вижу, вылезают из люков, как мыши. Теперь у меня уже есть опыт. На предыдущей ДОТ я научился тому, что нужно сначала бить в середину, потом в один бок и затем в другой бок. Пробую применить этот способ и здесь. Он вполне себя оправдал — несколькими снарядами ДОТ № 42 была уничтожена.

Так разбивали мы ДОТ, неприступные крепости финнов. Этим мы проламывали бреши во всей системе неприятельских укреплений, и в эти бреши устремлялись наши танки, а за ними шла пехота.

У ВРАЖЕСКИХ ТРАНШЕЙ

(Рассказ Героя Советского Союза Г. Айрапетяна)

Взвод, которым я командовал, стоял в пятистах метрах от передовой линии, недалеко от озера Сувантоярви. Мы жили в блиндажах.

Прожил я там всего три дня. На четвертый день меня вызвали в штаб полка.

Там были комиссар дивизии и командир полка. Комиссар дивизии объяснил мне задачу группы, командиром которой назначили меня. Эта группа должна, внезапно врываясь в траншеи противника, сеять там панику и этим способствовать захвату траншей.

Познакомился со своими бойцами. Их было тридцать человек, люди все опытные, отслужившие в армии по два года, знакомые с особенностями действий в укрепленных районах.

Мне было ясно, что для решения поставленных перед нами задач необходимо разработать прежде всего способ добираться до неприятельских траншей без потерь. Комиссар дивизии одобрил мою мысль.

Мы стали тренироваться. Построили из снега учебную ДОТ, траншеи, днем тренировались, а ночью ходили в разведку, чтобы заранее изучить поле своих будущих действий.

Наша дивизия была расположена на одной цепи высот, финны — на другой. Между обеими цепями высот — овраг. Когда наша пехота обычными мелкими перебежками спускалась по склону для атаки, финны обстреливали склон прицельным огнем. Ночными разведками нам удалось установить, что перед самыми финскими траншеями находится мертвое, непростреливаемое пространство. Мертвое пространство — ложбина, куда не залетают пули.

«Если бы, — подумал я, — нашей группе удалось без потерь добраться до этого мертвого пространства, мы могли бы ворваться и в траншеи».

11 февраля наша дивизия пошла в наступление. В пять часов утра началась артиллерийская подготовка. Она продолжалась без перерыва четыре часа.

Когда рассвело, я получил приказ ворваться со своей группой в неприятельские траншеи.

Группа заняла исходное положение на своем склоне. Я понимал, что если мы двинемся вниз по склону мелкими

На подступах к Выборгу.

перебежками, то финны перестреляют нас, прежде чем мы добежим до дна оврага.

Оставалась одна возможность: бежать во весь дух и во весь рост, пока не достигнешь мертвого пространства.

Такое решение я и принял.

Приказываю:

— Ранцы, шинели долой!

Бойцы быстро скинули с себя все лишнее и остались только в ватниках. Каждый нацепил на себя по восемь, по десять, по двенадцать гранат. Тяжеленько, но граната — наше первое и главное оружие. Чем угодно другим можно поступиться, но только не гранатой.

Взяли бойцы гранаты, насыпали в мешки и натолкали во все карманы побольше патронов, зарядили винтовки. Готово.

Я послал вперед одно свое отделение в десять человек, причем пустил бойцов не кучей, а рассредоточенно, на расстоянии пяти-шести метров друг от друга.

Смотрю — удалось. Под бешеным огнем все десять добежали до мертвого пространства и залегли в нескольких метрах от финских траншей.

Тогда я выпустил второе отделение. Опять удача. Посылаю третье — и вот вся моя штурмовая группа, кроме меня, находится уже на месте.

Нужно перебираться и мне. Пускаюсь бегом вниз по склону.

Финны обрушили на меня всю силу своего огня.

Чувствуя, что малейшее промедление — смерть, бегу во весь дух. Но огонь был так силен, что до мертвого пространства мне пробежать не удалось.

На склоне когда-то стояла жилая постройка, она сгорела, от нее осталась только полуразрушенная кирпичная печь.

Я спрятался за трубой.

Печку обстреливали так, что осколки кирпича дождем стучали по моей стальной каске. А только высунешь голову, по каске, словно спичка, чиркнет пуля.

Минут двадцать держали меня финны за трубой. Наконец успокоились, верно решили, что я убит.

Тут я и выскочил. Добежал до своей группы.

Между нами и финнами — метров тридцать. Слышу их разговор, команды на непонятном мне языке. Разделяет нас длинный узкий бугор.

Пулями им нас не взять — они начали швырять в нас ручные гранаты.

Мы в ответ им тоже кидаем ручные гранаты через бугор, но вижу — долго не продержишься под гранатами, нужно идти в атаку. А как пойдешь? Ведь бугор перед траншеями наверняка минирован!

И вдруг финны, обманутые нашим криком «ура» и решившие, что мы бросились на их траншеи, взорвали свое минное поле.

С оглушающим грохотом бугор взлетел на воздух. Нас завалило снегом и землей.

Однако отряхиваюсь и вижу, что вся моя группа цела.

Но тут новая беда: бугор, защищавший нас от финских пуль, стал гораздо ниже.

Теперь мы могли уже только лежать, не поднимая головы; встать не было никакой возможности.

Гляжу — наш самолет. Истребитель. Летчик, видимо, понял наше положение. Самолет пикировал на финскую траншею, стреляя из всех своих пулеметов.

Финны попрятались на дно траншеи.

Этим моментом я и воспользовался.

Подбегаем к траншее и забрасываем ее гранатами.

Белофинны — кто убит, кто ранен, кто, побросав оружие, бежит.

Врываемся в траншею.

Я послал часть своих бойцов вправо по траншее, часть — влево, а сам, увидев ход сообщения, уходивший в глубь расположения финнов, побежал туда, чтобы закрыть дорогу возможной поддержке с тыла.

Прямо передо мной бежал финн. Я несколько раз стрелял в него, но не попал, потому что ход сообщения уходил вглубь зигзагами и повороты мешали мне целиться.

Вдруг я заметил, что финн нырнул в какую-то дыру слева.

Я мгновенно сообразил: если не пойду за ним немедленно, он может там забаррикадироваться и встретить меня огнем. Остается только одно — ворваться у него на плечах.

И я, не останавливаясь, нырнул в дыру вслед за врагом. Темный подземный ход.

Взорванные белофинские укрепления.

И вдруг вбегаю в комнату, ярко освещенную электричеством.

Никого. А пути дальше нет. Где же финн? Куда он делся?

Держа гранату и винтовку наготове, я оглядел комнату. Вдоль стен — широкие нары в два этажа, как в вагоне. Выше, на стенах, толстые пучки проводов.

Посреди комнаты стоит стол, на столе три примуса, на примусах котелки, в котелках варится каша.

Всюду грудями валяются винтовки, гранаты, револьверы и полевые сумки.

Но ни одного человека. Где же финн, за которым я гнался?

Тут подоспели два моих бойца. Встали рядом со мной, держат винтовки наготове, разглядывают комнату.

В одном из углов увидели мы целую кучу шинелей.

Гляжу, из-под кучи торчит валенок. Сначала я не обратил на него внимания.

Стал собирать офицерские сумки, вытряхивать из них документы, карты, схемы, чтобы отправить в штаб дивизии.

И вдруг мне приходит в голову: почему этот валенок торчит вверх носком? Если бы он был пустой, непременно свалился бы набок.

Подошел я к куче шинелей. В правой руке револьвер, а левой сгреб шинели и бросил их в сторону.

Под шинелями лежит финн, которого я искал. Мертвый. Револьвер в руке. Застрелился.

Я отправил в штаб дивизии документы, найденные в офицерских сумках, а сам со своей группой расположился в занятой траншее.

Стали собирать брошенное финнами оружие. Здесь были целые горы винтовок, автоматов, револьверов, ручных гранат. Тут же — два станковых пулемета. Мы их сразу повернули стволами в сторону финнов. Возле них были ящики лент с тысячами патронов.

Между тем к нам стали подходить через овраг бойцы. Теперь под моей командой было уже человек шестьдесят. Я этому очень обрадовался, так как с минуты на минуту ожидал контратаки.

Но финны предприняли первую контратаку только вечером. Мы встретили их огнем из их же пулеметов. Лес за траншеей был превращен нашей артиллерией в поле, и им негде было прятаться. Не добежав до траншеи, они обратились в бегство.

Контратака отбита. Но я понимал, что вторая контратака неизбежна и что они ее предпримут с гораздо большими силами. Кроме того, я понимал, что в задачу моей группы не входит удержание этой траншеи во что бы то ни стало. Внеся дезорганизацию в ряды противника во время боя, она свое дело сделала.

Однако не хотелось уходить, не причинив врагу возможно больше вреда.

И мы остались ждать второй контратаки.

Она последовала глубокой ночью.

Мороз, ветер, снег. Финны развили ураганный огонь и ударили на нас с трех сторон.

Бойцы мои дрались неистово. Вскоре я обнаружил, что финны основным направлением своего контрнаступления избрали зигзагообразный ход сообщения.

Здесь было особенно жарко. Мои бойцы, отстреливаясь, начали отходить.

— Гранаты! — кричу. — Давайте мне сюда побольше гранат!

Гранатой я умею работать, знаю и люблю это оружие.

В походе.

Еще до Красной армии, в Азербайджане, я завоевывал на соревнованиях первые места по гранатометанию. Обычная хорошая дистанция для гранатометчика сорок пять — пятьдесят метров. Мой рекорд — шестьдесят восемь метров.

Мне подали связку гранат.

Я занял в ходе сообщения позицию и стал швырять гранаты в наступающих финнов, медленно пятясь и прикрывая отход своих бойцов. Когда гранаты кончались, я требовал новых, и бойцы подносили мне их.

А тем временем бойцы мои мало-помалу оставляют траншею.

Требую еще гранат, но мне отвечают, что не осталось ни одной.

Надо и мне уходить.

С последней гранатой в руке стою один в траншее.

И сразу передо мной появляются три финна с винтовками, направленными на меня.

Хотел швырнуть гранату, но вдруг почувствовал, что правая рука моя повисла, как плеть.

Схватив в левую руку револьвер, я выстрелил.

Один финн опрокинулся, другие отпрянули и скрылись за изгибом траншеи.

Зная, что через секунду они вернутся, я стал выползать из траншеи к своим, не спуская глаз с противника. За мной бросился финн с автоматом.

Я уложил его из револьвера.

Еще один сунулся за мной. И этот грохнулся, подбитый моей пулей.

Но чувствую, в глазах темнеет, дыхание становится частым и прерывистым.

Тут только начал я понимать, что ранен не в руку, а в правую половину груди. Сколько ни заберу воздуха, он до легких почти не доходит, а вырывается наружу, и кровь булькает в ране.

Траншея позади меня имела пологий выход на склон горы.

Я повернулся к финнам спиной — больше уже все равно не мог сопротивляться — и пополз.

Ползу. Финны ведут сильный огонь. Пули пролетают надо мной.

В сумраке вижу наших. Они мне кричат.

Я теряю сознание.

Очнулся я 15 февраля в госпитале.

НА БОМБАРДИРОВЩИКЕ

(Рассказ Героя Советского Союза В. Ракова)

Я морской летчик. Морскими называются такие военные летчики, которые работают во взаимодействии с военными кораблями.

С первого же дня войны с белофиннами Краснознаменный Балтийский флот начал разворачивать операции. Этим боевым действиям могла помешать неприятельская авиация, главные силы которой были на крупнейшем морском аэродроме С., возле одного из самых больших городов Финляндии. Значит, нужно было уничтожить этот аэродром со всеми находящимися на нем самолетами.

Дело было необычайно трудное. К аэродрому надо подойти незаметно, удар нанести внезапно и уйти мгновенно.

венно, так как, по всем сведениям, аэродром противника был укреплен поясом мощной зенитной артиллерии. Эта артиллерия могла создать вокруг аэродрома заградительный огонь и нанести нападающему серьезные потери.

На второй день войны я получил приказание вылететь со своей эскадрилей и уничтожить аэродром С.

Эта задача была для меня большой честью. Она означала высокую оценку со стороны командования боевых качеств моей эскадрильи.

Мы вылетели на рассвете. Облака низкие. Почти ничего не видно. Тяжелые условия полета. Но я был этим даже доволен. При такой погоде финны нас наверняка не ждут...

Едва взлетели и легли на курс, как мой стрелок-радист, глядевший, как всегда, назад, доложил мне:

— Вижу за нами только одно ближайшее звено. Остальные звенья скрыты туманом.

Это меня встревожило. Из-за тумана самолетам приходилось держать строй вслепую. Если хоть одно звено потеряется в тумане и собьется с пути, мощь подготовленного нами удара сразу уменьшится.

Я на своем флагманском самолете прокладывал курс на высоте ста метров. Густой завесой падал снег. Условия полета ухудшились до последней степени.

Снег мы наконец миновали, но облака спустились еще ниже, и мы шли над самыми верхушками деревьев, чуть-чуть не цепляясь за них.

Берег остался позади. Мы над морем. Облака здесь повыше, но видимость от этого не улучшилась — море и облака одного цвета и сливаются.

— Погодка-то разгуливается, — по телефону сказал мне штурман.

— Впереди, к сожалению, совсем, кажется, хорошая погода, — ответил я ему, окинув взглядом приборы.

Улучшение погоды в этом районе было совсем нестати.

Моторы работали замечательно. Мы шли курсом на запад. Становилось все светлей, погода прояснялась.

Проверив по приборам состояние горючего в баках, я осмотрелся.

Внизу вода, сверху темные облака.

Справа и впереди показались острова, окутанные дымом и пламенем.

Здесь славно поработала наша авиация — укрепленные районы островов полыхали пожарами.

Огибаем острова, идем ложными курсами, чтобы уцелевшие вражеские посты не могли сообщить о направлении нашего полета.

Справа вижу самолет Рябова и в передней его кабине штурмана Иванникова. Дальше вижу звено старшего лейтенанта Челеписа. Хорошо идут.

Смотрю влево. Старший лейтенант Карелов идет совсем рядом со мной, скорость у нас одна и та же, и кажется, что он «положил» свое крыло на крыло моего самолета и так застыл... За ним звено Гурьева — тоже в образцовом порядке. Жаль, не могу видеть звена Куртина, идущего в кильватере. Но уверен, что и у него все в порядке.

Высота облаков — пятьсот метров.

Как назло, чем ближе мы к цели, тем лучше видимость. Даже солнце уже чуть-чуть проглядывает.

Нет, этак к ним незаметно не подойдешь. Нужно немедленно изобретать новый план.

И новый план был немедленно изобретен.

Враг ждет нападения с моря, а мы нападём на него сзади, с суши, с его собственной территории.

Я круто переменил курс.

Вот мы уже над землей. Над лесом, болотами, скалами. Над вражеской территорией. Мы зашли в глубь страны и спешили, спешили, чтобы посты противника не успели предупредить о нашем приближении. Мы старались подняться как можно выше и идти непосредственно под кромкой облаков, чтобы в случае нужды моментально уйти в облака.

Еще немного — и мы повернем прямо к неприятельскому аэродрому.

Смотрю на часы. Жду той минуты, когда, по моему расчету, нужно сделать поворот.

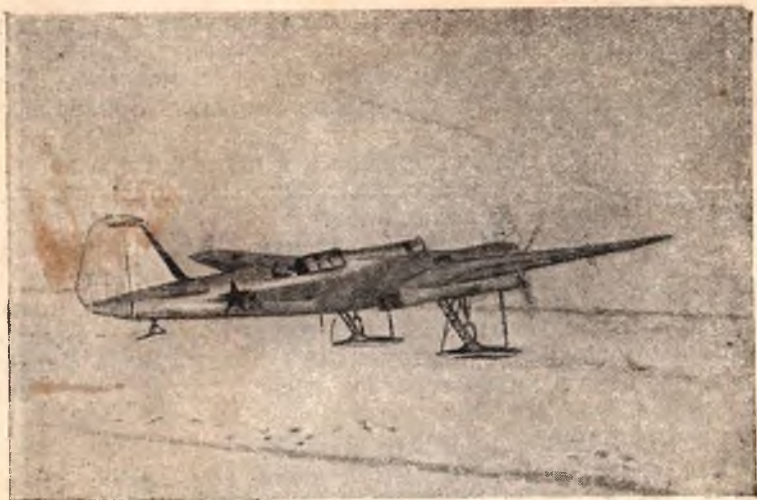
Повернул. Повернула вся эскадрилья.

Все самолеты легли на боевой курс.

...Аэродром еще не виден, но виден остров, на котором он расположен.

Приближаемся... Все еще никаких признаков аэродрома... Вдруг вижу: над деревьями торчит мачта. Радиостанция!

Мачта радиостанции выдала их. Ангараы были искусно

Бомбардировщик.

замаскированы лесом, но, заметив мачту, мы обнаружили и ангары. Они стояли на берегу бухточки, а левее — казармы, склады... Из-за вершин деревьев возле самой воды я сразу заметил и спуски для вывода гидросамолетов из ангаров в море.

Полный газ!

Стрелка указателя скорости приближается к максимальной.

Передо мной на пульте вспыхивает лампочка. Это знак, который мне подал штурман из передней кабины: «Так держать!».

Впиваюсь глазами в приборы. Ни одна стрелка с этого момента не должна отклониться...

А облака совсем поределели. Солнце озарило ангары, в которых стояли неприятельские самолеты. Как бы мой штурман товарищ Боцман не просмотрел и не запоздал избавиться от бомб...

Бомбы сброшены.

Самолет качнулся.

Произведя разворот со снижением, смотрю на разрывы. Первый разрыв — перед ангаром. Второй — в ангаре... Пламя. Густой черный дым. Уж в этом ангаре, конечно, ничего не осталось.

Я свое дело сделал, теперь посмотрю, как поработают мои товарищи.

Как красиво падают бомбы! Они летят сначала параллельно пути самолета, а затем плавно устремляются вниз...

Бомбы упали в средний и крайний ангары и окутали их черным дымом. Стоявшие невдалеке казармы, белая и красная, взлетели на воздух.

Разворот.

Покачиваю свой флагманский самолет с крыла на крыло, чтобы собрать эскадрилью и вести ее домой, на родной аэродром.

Удар с тыла оказался настолько неожиданным для противника, что о нашем присутствии он узнал только по разрывам бомб.

Зенитная артиллерия открыла беспорядочный огонь. Однако финны опоздали. Ни разу не попали они в наши самолеты, хотя мы летели на высоте всего пятисот метров.

Смотрю вверх. Вижу, как в небе разрываются неприятельские снаряды. Одно облачко, два, три, пять...

Идем над морем домой.

Мне хотелось крикнуть: «Проспали, господа офицеры!»

Мы совсем снизились и пошли над самой водой.

Шел третий час полета. Горючего было еще много.

Вот наконец и родные края.

Эскадрилья пошла на снижение.

ИСТРЕБИТЕЛЬ

(Рассказ Героя Советского Союза В. Савченко)

Много со мной случалось всякого, но самым памятным для меня оказался мой двадцать восьмой боевой вылет.

Это было уже в дни штурма железобетонных поясов белофинских укреплений. На суше действовала пехота,

на льду залива — моряки-балтийцы. Один из отрядов моряков подтягивался к острову Бьерке, чтобы атаковать его. Авиация Балтфлота расчищала путь морякам. Действуя на низких высотах, истребители и бомбардировщики выбивали белофиннов с побережья, расстреливали их резервы, скопившиеся в лесах, не пускали их на лед.

Среди истребителей был и я.

Мне посчастливилось заметить зенитную батарею врага. Так как она могла принести большой вред нашей авиации, я на ней сосредоточил свой огонь.

Я бил по батарее с пикирующего полета длинными пулеметными очередями. И вдруг я почувствовал страшную боль в левой ноге. Мне нужно нажать ногой левую педаль, чтобы повернуть самолет влево, а нога меня не слушает. Я понял, что меня ранили. Не имея возможности нажать левую педаль, я потянул на себя здоровой правой ногой правую педаль (обе эти педали устроены, как коромысло) и таким образом повернул самолет влево. Из раненой ноги текла кровь, но я ничего не мог сделать, чтобы остановить ее. Нужно во что бы то ни стало уничтожить зенитную батарею.

Снова я бросил свой самолет в пике. Второй заход на батарею. Третий заход... Попутно сметаю пулеметным огнем скопления пехоты...

Когда я начал четвертый заход, разрывная пуля угодила мне в левую руку. Рука повисла, как плеть.

Но я благополучно довел четвертый заход до конца. Может, ударить по ним и в пятый раз? Но нет, по приборам вижу, что запас бензина быстро падает. Я понял, что на самолете пробит бензобак.

Я вынужден был прекратить бой. Без бензина бой вести невозможно. Набрал высоту и начал выходить из боя — летчик, истекающий кровью, на самолете, истекающем бензином...

Мне трудно вспомнить, как я добрался домой. Сознание то и дело мутилось, земля оказывалась то сверху, то снизу, то сбоку... Однако встряхнусь, опомнюсь — и всё опять на своих местах.

Мне пришлось противоестественно скрючиться: правой ногой я работал за обе ноги и правой рукой — за обе руки.

Под левой рукой в кабине слева — сектор газа и регулятор магнето; я доставал эти приборы правой рукой,

потому что левая моя рука болела так, что меня бросало в пот, несмотря на страшный мороз.

От потери крови я стал задыхаться. Мне нехватало воздуха, и я принялся стаскивать с лица меховую маску, очки. Попробуйте это сделать, когда у вас всего одна рука, да и та занята управлением самолета! Однако в конце концов с маской справился...

И все-таки все главные трудности еще впереди.

Вот я узнал свою береговую линию — я уже над родной землей. Но ведь надо еще посадить самолет! При посадке летчик, как известно, должен работать обеими руками: левой рукой надо регулировать сектор газа, чтобы выключить мотор, а правой рукой в то же самое время надо управлять самолетом и, вращая рычаг, вовремя выпустить шасси.

Я торопливо выбрал место посадки. Я спешил, так как чувствовал, что силы совсем оставляют меня. Нагнувшись, я взял ручку управления в рот. Освободившейся правой рукой выпустил шасси, затем быстро перекинул руку на сектор газа... и посадил машину.

Успел еще подрулить самолет к красной черте...

Остального не помню. Очнулся только в лазарете.

Спросил про свой самолет. Оказалось, в нем обнаружили восемнадцать пулевых пробоин. Однако ничего, починили, летает.

Меня тоже починили. Тоже летаю.

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ

(Рассказ Героя Советского Союза П. Усова)

Во время войны я командовал понтонным взводом. Наше дело, понтонеров, наводить мосты через реки для переправы пехоты, танков и артиллерии.

Противник занимал противоположный берег реки. Там

на противоположном берегу, холмистом и лесистом, была расположена опоясанная рекой большая финская крепость Тайполе.

Наш берег был открытый и хорошо просматривался и простреливался с той стороны реки. Это еще больше содействовало неприступности финской крепости.

Стоял декабрь, холодный, жестокий. Но мороз не успел еще сковать льдом быструю реку.

Наш батальон получил приказ: пробиться к реке через неприятельский заслон и переправить через реку передовые части.

После артиллерийской подготовки нас двинули к реке.

Железные понтоны стояли на грузовиках. Шоферы завели свои машины, и мы помчались по дороге, ведущей прямо к берегу.

Финны сразу заметили несущуюся колонну машин и открыли бешеный огонь из орудий и пулеметов.

Снежная дорога впереди вдруг стала пятнистой от вывороченных снарядами комьев земли. То справа, то слева рушились сосны, осыпая нас снегом.

Лишь бы не остановиться! Самая маленькая остановка — гибель: финны сметут нас.

Шофером передовой машины был красноармеец Владимир Кузьмич Артюх, ныне Герой Советского Союза. На его долю выпала труднейшая задача: так как он ехал впереди, он оказался вожатым всей колонны. Если его машина станет, станут и все машины позади. От его смелости, решительности, находчивости, от умения управлять машиной зависела судьба всего дела и жизнь многих людей.

Машина Артюха не раз исчезала в черном дыму разрыва, и вся колонна невольно придерживала ход. Но дым рассеивался — и все снова видели машину Артюха, невредимую и непреклонно несущуюся по белому снегу.

Вдруг взблеск. Оглушительный взрыв. Огромный столб дыма в мгновение окутал машину.

Когда дым рассеялся, вся колонна увидела, что машина Артюха стоит неподвижно, загородив собой дорогу. Остановились. Пропали...

Место открытое. Финны взяли прицел — и шлют снаряд за снарядом.

Разборка завалов.

Артюх вылез из своей помятой кабины. Кинулся к мотору, видит: фара сорвана и валяется в снегу за несколько метров.

Шоферы повыскакивали из своих машин и бросились на помощь Артюху. Но Артюх уже открыл капот, чинил мотор. И раньше чем шоферы успели понять, что случилось, мотор его ожил и заговорил.

Артюх вскочил в кабину, дал полный газ — и вся колонна возобновила свой стремительный бег под ураганным огнем врага.

В декабре темнеет рано, и было уже совсем сумрачно, когда машины развернулись перед рекой и мы приступили к переправе.

Место для переправы было очень неудобное, потому что у реки, по обеим сторонам дороги, тянулись болота и была только небольшая сухая площадка, которой мы и воспользовались.

Темнота вынудила противника прекратить огонь. Наступила зловещая тишина.

Стараясь не производить никакого шума, мы спустили на воду полупонтон.

Тут стала подходить к берегу и наша пехота.

Прежде чем приступить к постройке моста, нужно перебросить на противоположный берег десант. Без захвата противоположного берега наведение моста невозможно.

На маленькой тесной площадке перед рекой накапливалось все больше и больше наших войск, ждущих переправы.

Противник, до сих пор молчавший, внезапно открыл ураганный огонь; он поджег на своем берегу деревню, и пламя ярко запылавших крестьянских изб озарило нас. Разорвавшийся снаряд поджег одну из наших машин, и она, запылав, осветила нас еще ярче.

Я чувствовал, что во избежание жертв нужно переправляться как можно скорее.

Посадил на полупонтон пехотный взвод, сам сел за руль, и мы поплыли к противоположному берегу. Как только я отчалил, финны стали бить из орудий по плывущему полупонтону. Они стреляли из темноты, а мы были

Танк подвозит бойцов к ДОТ.

Герой Советского Союза П. Усов.

ярко озарены пламенем пожаров. Снаряды разрывались возле понтона, и к черному небу взлетали сияющие багровые столбы брызг.

Течение относило понтон в сторону. Гребцы напрягали все силы.

Темный противоположный берег все ближе и ближе. Бойцы держат винтовки наготове.

Понтон коснулся прибрежных кустов. Пехота выскочила на берег, залегла и открыла огонь.

Я поплыл через реку обратно.

Финны стреляют еще отчаяннее, вода плещется и бурлит от снарядов и осколков. Но понтон благополучно доплывает до берега.

Опять сажаю в понтон бойцов и опять еду к берегу противника.

На этот раз финны стреляют уже не только из орудий, но и из пулеметов. Вода вокруг шипит, как под дождем. Пули пробивают стенку понтона. Струи с журчанием льются внутрь, заливают сапоги красноармейцев.

Несколько бойцов получают ранения.

У меня с головы сбило шлем. Он упал за борт, в воду. Пуля пробила полу моей шинели.

Я высадив десант и отправился обратно.

Понтон, пробитый пулями, как решето, затонул возле нашего берега.

Промокший, измученный, кое-как выбравшись на берег по воде, я приказал спустить на воду другой понтон. Посадил в него новую группу бойцов и перебросил на вражеский берег.

Десант на том берегу пошел в наступление.

Воспользовавшись этим, мы построили мост, и по этому мосту перешли наши главные силы с танками и артиллерией.

В РАЗВЕДКЕ

(Рассказ Героя Советского Союза В. Кириллова)

Расскажу об одной нашей ночной разведке.

Нам было поручено пройти лесом левее ранее обнаруженной нами ДОТ, занять блиндаж и произвести разведку огневых точек.

До блиндажа добрались без особого труда. Блиндаж пуст, в нем никого. Ползем дальше. Темно. Только снег белеет.

Натыкаемся на проволочное заграждение. Стали резать проволоку. Но от проволоки, видимо, была проведе-

на сигнализация. Со всех сторон на нас посыпались пули — хорошо пристрелянное место. Делать нечего, отползли за бугор.

Надо установить, откуда финны ведут огонь. По глуховатому звуку выстрелов справа догадываюсь, что стреляют из закрытого помещения, значит из ДОТ. Следовательно, ДОТ справа от нас. Слева тоже обстреливают. Судя по звуку — автоматчики. Там, верно, траншея.

И мы через поляну поползли к траншее. Финны этого никак не ожидали. Они были уверены, что мы ушли. У себя в траншее они курят, разговаривают. Мы видим огоньки папирос, слышим голоса. Ползти необычайно трудно, потому что малейший шум может выдать нас. Двигаюсь вперед метр за метром. Мучительно хочется кашлять. Кашель давит, душит. Усилием воли сдерживаюсь.

Вот надолбы перед траншеей, вот снова колючая проволока.

Вдруг финны разом всполошились. Чтобы обнаружить нас, они пускают осветительную ракету. Нас встречают бешеным огнем. По выстрелам мы определяем все, ради чего пошли в разведку, — и ДОТ и траншею.

Наша цель достигнута, и мы отходим назад, к лесу. Но осветительные ракеты продолжают взлетать одна за другой, и проклятая луна начинает вылезать из облаков. Белофинны видят нас и стреляют не переставая.

В лесу мы остановились. Я пересчитал своих товарищей. Нехватает помощника командира взвода. Где он? Неужели остался возле траншеи? Убит или ранен?

Надо выручать. Я пополз назад. Финны стреляют, но я ползу и ползу. Дополз до проволоки. На колючей проволоке возле траншеи повис наш товарищ. Он молчит, но еще жив. Я снимаю его с проволоки, кладу себе на спину и опять ползу к лесу.

Белофинны ведут бешеный огонь. Через каждые два-три метра я зарываюсь в снег, чтобы переждать пулеметную очередь. Товарищ просит: «Пристрели меня».

Он не хочет, чтобы я погиб из-за него, но я прошу его только об одном: не стонать. Из лесу к нам на помощь подполз разведчик Пономарев. Вдвоем тащить раненого куда легче, и через минуту мы в лесу.

Вернувшись в штаб, отдали раненого санитарам и доложили командиру о результатах разведки.

В разведку.

Днем я получил задание исследовать местность справа от ДОТ. Взял двух разведчиков и пошел с ними в лес. Вижу — просека, в конце просеки — перевернутый танк.

Обоих разведчиков я оставил в лесу, приказав им наблюдать за мной, а сам пополз к перевернутому танку.

Я пополз уже больше половины пути, как вдруг из-за танка — пулеметная очередь. И прямо по мне. Неподалеку, впереди, я заметил яму. Сделал несколько рывков, скатился в яму и залег на дне. Здесь меня пулемет не достанет.

Минут через десять осторожно поднимаю голову и ясно вижу всю правую сторону ДОТ с несколькими амбразурами. Справа замечаю хорошо замаскированное орудие.

Возле орудия и возле перевернутого танка все время люди. Вылезти из ямы нет никакой возможности. Ну что ж, нужно ждать.

Чтобы время не пропало даром, я начал запоминать местность.

У меня такое обыкновение — в разведке запоминать

местность подробно, чтобы потом можно было нарисовать ее, начертить панораму. Начерченная разведчиком панорама даст артиллеристу гораздо больше, чем схема ориентиров. Я запоминал углы (определял их на глазомер, по пальцам), запоминал расстояния от одного предмета до другого, очертания предметов и, придя в штаб, рисовал панораму на память.

На этот раз в уме панорама была уже давно готова, а я все еще сидел в яме, не зная, как из нее выбраться. Финны совсем близко и ни на минуту не отходят. Так просидел я в яме часов пять, до темноты. Когда стало темнеть, вылез и пополз назад.

Метров пятнадцать мне удалось проползти незаметно. Но вот я снова слышу пулеметный стук. Пули пролетают надо мной. На этот раз меня обстреливают не из одного пулемета, а из нескольких. У меня было сильное искушение оглянуться и посмотреть, откуда они стреляют.

Но оглядываться немислимо. И я продолжаю ползти. Однако разведчики, которых я оставил в лесу, наблюдали за этим обстрелом. Когда я дополз до них, они мне сказали:

— Вас обстреливал один пулемет из-за танка, три пулемета из леса и один вон с того бугра.

Мы особенно заинтересовались бугром, с которого стрелял пулемет. Я заподозрил, что бугор — промежуточный блиндаж, соединяющий две ДОТ. Ночная разведка подтвердила мое подозрение.

С этой ДОТ мне пришлось повозиться еще раз 11 февраля, когда наши войска пошли в наступление. Было приказано итти на передовой наблюдательный пункт. Воздух дрожал от взрывов, гул снарядов заглушал голоса. Итти было трудно, то и дело приходилось ложиться, переползать, разгребать снег. На передовом пункте я попросил у командира разрешить мне взять несколько разведчиков и подойти ближе к ДОТ. Командир разрешил.

Мы подползли к ДОТ и залегли.

ДОТ уже сильно потрепала наша артиллерия: купол был разбит, торчала арматура. Многие траншеи вокруг нее были оставлены финнами. Но ДОТ продолжала стрелять. Чуть только на просеку выезжал наш танк, справа от ДОТ возникал дымок орудийного выстрела.

Орудие, стоявшее справа от ДОТ, было отлично за-

маскировано листом белого, как снег, картона. Поэтому я его не видел.

Вдруг белый картон, маскировавший оружие, свалился. Так вот она, эта пушка, стреляющая в наши танки!

Смотрю: из-за щита оружия осторожно тянется рука, чтобы поправить упавший картон.

Я стреляю.

Рука прячется, но через минуту появляется с другой стороны щита.

Я опять стреляю.

Рука опять прячется.

Я несколько раз стреляю под щит. Оружие замолкает навсегда.

Мне хотелось тут же подползти к оружию, но это было невозможно — пулемет ДОТ обстреливал нас с такой силой, что отлетела верхушка пня, за которым мы прятались.

Когда стало смеркаться, мы подобрались к ДОТ по пустой траншее. Дверь заперта. ДОТ молчит. Я решил залезть на ДОТ. Но едва я полез, как финский снайпер, засевший в лесу, сбил с моей головы каску. Я обошел ДОТ кругом и снова полез наверх. Влезаю на разбитый купол. Из купола торчит кирпичная труба.

Мне пришло в голову бросить в трубу гранату. Пусть она разорвется внутри ДОТ. Я достал гранату и опустил ее в трубу. Но, оказалось, труба была перегорожена решеткой. Граната застряла на решетке, шипит и вот-вот взорвется.

Я шарахнулся в сторону. Когда граната взорвется, она убьет меня. А взорвется она через несколько секунд.

Я дергаюсь, но что-то меня не пускает.

Оглядываюсь, смотрю: мой маскировочный халат запутался в железных прутьях арматуры. Я рвусь, напрягаю все силы, но халат не пускает меня. Снять его нет уже времени. Выхватить нож и отрезать тоже некогда.

Ухватившись руками за прутья, торчавшие впереди, я понатужился и покатился вниз, оставив наверху, на арматуре, половину своего халата и полы шинели.

Граната взорвалась и уничтожила решетку в трубе.

Я взял новую связку гранат и одну за другой швырял их в трубу. Они проваливались вниз, и ДОТ всякий раз вздрагивала от глухих взрывов.

Из всех щелей валил дым. Внутри бушевал пожар.

Тем временем мои разведчики притажили по снегу

сколоченную из досок лодку, полную связок взрывчатого вещества — тола. Тол они положили под стену ДОТ и взорвали.

Взрыв был так силен, что всю вражескую берлогу вывернуло наружу.

Так была уничтожена эта ДОТ, с которой мне пришлось столько повозиться.

ВДВОЕМ У ТЯЖЕЛОГО ОРУДИЯ

(Рассказ Героев Советского Союза Г. Лаптева и Г. Пулькина)

Рассказывает Лаптев

Наша батарея занимала огневую позицию примерно в десяти километрах к северу от станции Пэрк-Ярви.

Зима. Глухая лесная поляна, редкий ельник кругом. Елочек мы натыкали и вокруг орудий, маскируя свою позицию от наблюдения из леса, который окружал нас со всех сторон. Неплохо были укрыты орудия и от воздушного наблюдения. Над ними были поставлены на столбах жердевые навесы, которые припорошил сверху снег, а мы еще по снегу разбросали ветки.

Расчеты жили тут же, в землянках. От землянок к орудиям вырыли ходы сообщения.

Метрах в пятидесяти-семидесяти позади в лесу была землянка старшего лейтенанта товарища Маргулиса, командира батареи.

Ежедневно, по заданиям командования, батарея вела огонь, сокрушая своими тяжелыми снарядами пулеметные гнезда врага, его блиндажи и другие укрепления. Но снарядов у нас не убывало, а прибывало, нам все подвозили и подвозили снаряды: ожидался общий штурм линии Маннергейма.

Мы здорово насолили белофиннам, и они задумали окружить нашу батарею и уничтожить. Выбрали для этого морозный и пасмурный день 23 декабря.

У орудия.

Утром, едва рассвело, командир батареи получил по телефону сообщение из штаба, что в наше распоряжение проскочил отряд белофиннов-лыжников.

Старший лейтенант товарищ Маргулис тотчас предпринял особые меры охранения: усилил людьми дозоры вокруг батареи; нам, орудийным расчетам, приказал занять места у орудий, предупредив, что некоторые номера расчетов (точно указал, кто именно) в случае нужды будут сняты со своих мест у орудий и брошены в контратаку.

Ждать гостей пришлось недолго. Сразу после полудня раздался винтовочный выстрел: правофланговый дозор дал сигнал о замеченных им белофиннах. Белофинны показались на лыжах из леса.

Старший лейтенант Маргулис тотчас вывел на батарею человек пятнадцать красноармейцев из взвода управления, и завязался бой.

Белофинны, которых оказалось во много раз больше, чем нас (их было свыше трехсот человек), сразу начали окружать батарею.

Мы все отстреливались из винтовок, но вот финны с криками пошли на батарею. Мы встретили их дружным

огнем пулеметов, винтовок и револьверов. Финны отступили.

— Батарея, огонь! — командовал старший лейтенант. Все наши четыре орудия ударили с короткой дистанции.

Земля дрогнула, и на опушке леса взлетели, кувыряясь в воздухе, большие деревья. Огненный шквал смел подбиравшихся к нам белофиннов.

Финны на мгновение притихли. Но вслед за этим снова и с еще большей яростью пошли на нас в атаку, только уже не в лоб, а со стороны, где их не могли достать наши орудия.

Кричу:

— Товарищ старший лейтенант, финны слева!

А командир, старший лейтенант Маргулис, лежит раненый.

— Лаптев, дайте мне винтовку! — слышу его голос.

Я раздобыл командиру винтовку, но подползти к нему не могу — сплошной ливень пуль.

Заряжаю винтовку и перебрасываю ее командиру.

Он снова начинает стрелять. Метким огнем укладывает одного белофинна за другим.

Глянул я, а белофинны пробрались уже к нашему складу снарядов. Они швыряют бутылки с горючим. Уже вспыхнули и горят несколько ящиков.

Что делать? Вот-вот взлетим на воздух.

Кричу не своим голосом:

— Товарищ старший лейтенант, горят снаряды!

А он в ответ:

— Прямой наводкой огонь! Снаряды без нас потушат.

И действительно, младший лейтенант товарищ Сидоров с несколькими бойцами разбросал горящие ящики по снегу и потушил занимавшийся пожар.

— Есть бить прямой наводкой!

И тут-то мне пришлось поработать.

Один я остался у своего орудия. Часть людей выведена из строя, остальные обороняют батарею справа, слева, сзади, действуя винтовками.

А у меня орудие. И тоже надо бить из него одному, как из винтовки. Огромная, тяжелая пушка превратилась в мое личное оружие...

Финны на поляне перед орудием. Финны у опушки. Стреляют, собираются группами, перебегают с места на

место. Вражеские пулеметы и автоматы, сея пули, не дают мне возможности и голову поднять.

Я сижу пригнувшись между железными станинами орудия, раздвинутыми на снегу в форме ласточкиного хвоста.

К панораме подойти и думать нечего. Да и лишне. Стреляю прямой наводкой. Поднимаю над головой руку, открываю затвор. Поднимаю снаряд и закладываю. Таким же порядком посылаю заряд. Затем, действуя одновременно поворотным и подъемным механизмами, ловлю белофиннов «на мушку», а попросту сказать — прикидываю наглаз, в какую группу белофиннов выгоднее ударить.

Белофинны — ни минуты на месте. Все время перебегают. Это я учитываю. Навожу не в бегущих, а перед ними.

Навел. Раз! — дергаю за шнур, конец которого тут же у меня на коленях.

Выстрел.

Осторожно бросаю взгляд вперед, проверяю исполнение.

Разнесло белофиннов впрах...

Опять тянусь рукой вверх, открываю замок. Вываливается на меня стреляная гильза. Отбрасываю ее в сторону.

Опять заряжаю орудие. Опять, улучив момент, стреляю по скоплению белофиннов.

Я закладываю снаряды в орудие, даже и не глядя, свернут колпачок или не свернут. Станешь разбираться, так самого свернут.

Финны то тут, то там. Работаю, а сам только и оглядываюсь по сторонам. То и дело приходилось пускать в ход винтовку или револьвер. Тут у меня на станине, как на полочке, — и ружейные патроны и револьверные. Полный арсенал наготове.

Идет бой. Жарко.

Командир дивизиона капитан Хоменко, собрав позади с десятков бойцов, прибежал с возгласом:

— Товарищ Маргулис! Иду на помощь!

Раненый командир тотчас скомандовал:

— В атаку! За родину! За Сталина! — и бросился, возглавляя горстку бойцов, вперед.

Но и после этой атаки финнов оставалось еще немало, и они продолжали свои попытки захватить батарею, дей-

Герой Советского Союза Г. Лаптев.

ствуя против нас группами по пятнадцать-двадцать человек.

Гляжу, одна такая группа с криками бросилась прямо к моему орудью.

Я успел выстрелить из орудия — и от наскочивших финнов ничего не осталось. Но своим же снарядом я едва не вывел из строя пушку — так близко разорвался снаряд. Осколки снаряда перекорежили щит на орудии.

Работаю. Тяжело мне достается. Я уже насквозь промок, словно в бане побывал. Шутка сказать — за восемь-

рых один работал! Тут и тридцать градусов мороза не в прохладу.

Вдруг слышу сзади шорох. Я обернулся с наганом в руке:

— Кто?

— Не стреляй, Лаптев, это я, Пулькин, кузнец батареи.

Вижу — верно, Пулькин. Удивился я: как же это он прополз сюда, когда над снегом головы не поднять! Весь снег кругом так и вихрится от белофинских пуль.

Но расспрашивать некогда.

Приполз, оказывается, Пулькин мне помогать.

Я обрадовался.

— Давай, — говорю, — давай подноси снаряды.

— А как, — говорит, — это делается?

Пулькин и не брался никогда за снаряды; как взять в руки тяжелые снаряды, как нести, чтобы не обронить, — ничего не знает.

Кузнец. Лошадей ковал у нас на батарее. Сам недавно из колхоза. Но парень дюжий, — уж на что я крепок, а он и еще того крепче, чуть не на полроста выше меня.

Такой-то помощник мне как раз и нужен.

Я живо показал Пулькину, как брать снаряды, и начал он мне их подносить, стал под моим руководством закладывать их в камеру ствола.

Стали работать вдвоем с Пулькиным. Куда дружнее пошло дело! Так мы тут начали крошить финнов, что кто хочешь, глядя со стороны, подумал бы: не двое у орудия, а полный боевой расчет действует. Откуда только сила бралась! Подал, помню, Пулькин мне снаряд. И сразу у меня над ухом — хлоп — винтовочный выстрел.

Оглянулся я и вижу — падает в снег белофинский офицер, и граната в руке.

Это его Пулькин между делом уложил.

Поработал со мной Пулькин, поработал, вдруг, оглядываюсь, нет его.

— Пулькин! Где же Пулькин?..

Рассказ продолжает Пулькин

А я в атаку пошел. Не успел я предупредить Лаптева — большая куча белофиннов из лесу выскочила, человек пятнадцать. Вот я и пошел. Раз такое дело, думаю,

Герой Советского Союза Г. Пулькин.

Лаптев покамест и без меня управится. Здорово он сильный парень.

Показалось мне сначала, что тут наши бойцы поблизости, — подскочил, а никого нету, и остался я один против всей белофинской шайки.

Я сразу упал в снег — притворился убитым.

И они быстро залегли.

Между мной и белофиннами метров восемь-десять.

Я с винтовкой, а они с автоматами. Слышу, кричат что-то, нет у них в чем-то согласия между собой.

Я высунул винтовку и, не целясь, — хлоп!

Цена 3 р 75к.